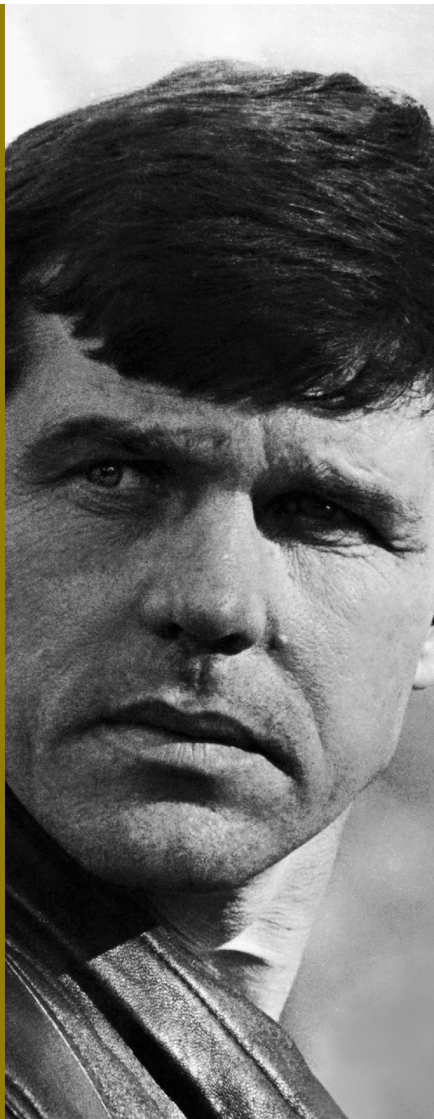

АЛЕКСАНДР
НОВИКОВ

СТИХИ
—
ПЕСНИ

Александр Васильевич Новиков

Стихи. Песни

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39481611
Александр Новиков. Стихи. Песни: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-106235-4

Аннотация

Вы держите в руках сборник стихов Александра Новикова – известного русского поэта, настоящего мастера слова, автора и исполнителя песен, звучащих и любимых во всём мире.

Александр Новиков является лауреатом общенациональной премии «Овация», неоднократным лауреатом премии «Шансон года», награжден высшей церковной наградой – Орденом святого благоверного князя Даниила Московского.

Будучи истинным патриотом, Александр Новиков отобразил в своем творчестве все черты, присущие характеру русского человека: благородство, широта души, способность сопереживать и любить всем сердцем.

В сборник стихов вошло более 350 стихотворений поэта. Это произведения о России, жизненных ценностях и, конечно, о любви к женщине.

Ироничные и чувственные, шуточные и грустные – но все, неизменно, искренние. Стихи, в которых каждый может увидеть отражение своей души.

Содержание

«Золотая рыба»	9
а в Париже	11
А девочке так нравится	13
А музыка одна	15
А она младше вдвое	17
Аисты	19
Айседора	21
Ангел – он не фея	23
Апрельская капель	24
Ария огня	26
Ах, как плакала она	27
Ах, какая у бога дорога	29
Ах, ты, жизнь – заплаты-клочья	30
Барракуда	32
Безработный музыкант	34
Белая горячка	36
Белый голубь	38
Белый пароход	40
Блядь	42
Бог нам встретиться не дай	44
Бурлак	47
Был вечер тот	49
В Екатеринбурге	50

В память о Е. Евтушенко	52
В солнечном порту	53
В то окно, где жил-был я	55
Вдоль по памяти	57
Верстачная лирика	59
Весенний дождь	61
Влюбился, девушка, в тебя	62
Во дворе	64
Воробы	67
Воспоминание	69
Вот мы и допели	71
Вчера	73
Вы бросили якорь	75
Выпейте с поэтом	77
Гитара и шарманка	80
Голубок	83
Городской роман	85
Горожанка	87
Давай, пиши	89
Два «прощай»	91
Два сна	93
Две чашки	95
Девочка-иголка	97
Девочка-огонь	98
Девочка в четырнадцать с любовью	100
Девочка из лета	101

Девочка под дождем	103
День рождения	105
День рождения (31 октября 1984 года)	107
Дом под снос	109
Дурман	112
Екатеринблюз	114
Есть на свете истина	116
Жена	117
Женщина ушла	120
Жил-был город	122
Жил да был	124
За морем синим	126
Звоны	128
Золотая рыба	130
Золотая Це-Це	131
Какое красивое слово летало	133
Карета	134
Катька	135
Каштановая прядь	137
Кино, кино	138
Когда мне было 20 лет	141
Коза	143
Колокольня	145
Красивая женщина	147
Красивоглазая	148
Крокодил	150

Крошка	152
Кто такая	154
Листок	155
Локон её волос	157
Луали	158
Лучший друг	160
Любимая моя	161
Люблю сейчас	163
Мариночка	165
Маэстро	167
Милосердная сестра	169
Мираж	170
Мне в детстве так хотелось папирос	171
Монашенка	174
Монета	176
Мы с тобой увидимся не скоро	178
На балконе сходка птиц	180
На Восточной улице	182
На могиле А. Я. Якулова	185
На палубе горланят в караоке	186
На прощанье	188
Надо ж, встретились	190
Напиши	192
Натурщица любви	194
Не Джоконда	196
Не пиши мне в Порт-Артур	197

Не узнаю	199
Нечаянная милая	201
Нина, Ниночка, Нинель	202
О женском атлетизме	204
Одиночество	207
Одна-единственная ночь	209
Одни	211
Окурок	213
Он у храма	215
Она была – ласточка-фея	217
Она жила в плену	219
Она – не моя	221
Она принеслась	223
Осеннее	224
Осень	226
Осколки	228
Парикмахер	230
Пароходишко	232
Пароходишко колесный	234
Конец ознакомительного фрагмента.	235

Александр Новиков

Стихи. Песни

Фотографии из личного архива Александра Новикова
Автор иллюстраций Александр Новиков

© Александр Новиков, текст

© ООО «Издательство АСТ»

«Золотая рыба»

а в Париже

Может быть, когда проеду мимо я,
Грубым словом вас и помяну —
Вы, ведь, моя прежняя любимая,
Поменяли имя и страну.

Может быть, когда я вас увижу,
Заново родившуюся тут,
Вспыхнет и во мне любовь к Парижу,
Как и к вам, на несколько минут.

На холодной глади белой лилией
Вы не принимали свет дневной.
Может быть, когда-то и любили вы,
Может, были счастливы со мной?

А теперь вам, как фонарь во мраке,
Светит тускло мой стиховный бред,
И уже нерусские собаки
По-нерусски вам пролают вслед.

Но и в этом бесполезном свете,
Босиком ютясь среди зимы,
Вы, конечно, вспомните о лете,
Где когда-то распускались мы.

Где хотели в небе разминуться
Облаками, белого белей,
И упасть на землю, как на блюдце,
Белою пушинкой с тополей.

А в Париже, а в Париже
Фонари тусклей, и жиж
Их холодный, их печальный,
Беспольный свет.

А в Париже, а в Париже
Голуби летают ниже
Тех, что были в синем небе
Наших с вами лет.

2006 г.

А девочке так нравится

Я вырос тут, и все вокруг знакомо мне.
И стало просто дорогим.
И лишь она одна – не по моей вине —
По вечерам слоняется с другим.

Люблю ходить, в карманы руки, не спеша,
В слепые окна посвистеть.
А ту, которая с другим – но хороша! —
Глазами, и не только, догола раздеть.

Гремел трамвай на рельсах, изводя себя.
В одном вагоне – я, она – в другом.
А с нею он. И я, опять душой скрипя,
Дурные мысли уводил бегом.

Люблю ходить, в карманы руки, не спеша,
По тротуарам тенью плыть.
А ту, которая с другим – но хороша! —
Прижать к себе или скорей забыть.

А девочке так нравится,
Когда ей вслед уставится
Хороший – не такой, как я!
Хорошим стать не выпало,
Но имя ее выколол —

И девочка осталась – как моя.

1995 г.

А музыка одна

Как эти звуки хрупки,
Что теребят мозги
И превращают звезды в гитарный трень!
И у короткой юбки
Есть что-то от музыки —
Плыть над землей и удивлять не лень.

Как эти тени серы,
Что не сплетаются
И расстаются к дому на полпути.
И у Надежды с Верой
Не получается
Третью сестрицу – Любовь – найти.

И музыка одна,
Вся про нее она,
По клавишам из дней
Вся музыка о ней.

Как эти окна тусклы —
В них и не пахнет сном,
И на подушках юбка рыдает – ниц.
По переулкам узким,
Пьяное, как вино,
Эхо гуляет окриком двух сестриц.

В них музыка одна,
Вся про нее она,
По клавишам из дней
Вся музыка о ней.

Белым крылом голубки
Пух тополей мела
Давняя ночь в клумбы и во дворы.
Помню, в короткой юбке
Рядом со мною шла
Девочка милая с именем третьей сестры.

И музыка была
Вся про нее светла,
По клавишам из дней
Вся музыка о ней.

1998 г.

А она младше вдвое

А она младше вдвое,
У нее на ветрах
Белый парусник в море
Ждет на полных парах.

Белый парусник хлипкий,
Неприступен и горд,
Покидает с улыбкой
Ослепительный порт.

С Ним она уплывает,
В берег топнув ногой.
Ей вдогонку кивает
Вдвое младше Другой.

Ветер космы полощет,
Бьет хлыстом по волне...
С этим было бы проще
И в другом – наравне.

А она по привычке,
Как всегда не со зла,
Вдвое больше обычного
В порт свезет барахла:

Самых горьких историй
По три в каждой руке.
Он возьмет ее в море,
Только сам – налегке.

Полупьян и всклокочен,
Будет в каждом порту
Видеть в каждой – «не очень».
В каждой видеть «не ту».

А ее укачает —
Море так неправо!
Всех она повстречает...
Но уже без Него.

1994 г.

Аисты

Танцуют аисты на поле
В звенящей утренней тиши,
И смотрим мы со сладкой болью
Из проезжающих машин.

И тишина спадает в день такой хороший,
Чтоб не спугнуть слетевших с неба птиц,
И крылья хлопают, как хлопают ладоши
Любви, танцующей на бис.

Танцуют аисты так нервно
И тишину на клочья рвут —
Как будто в день на свете первый
Они слетели и живут.

Не потому, что нынче в этом мире старом
Для их любви настала череда,
А потому, что в этом танце станут парой
Отныне – раз и навсегда.

Как им легко купаться в утре
И небо крыльями рубить,
И гладить нежно перья-кудри,
И друг для друга парой быть,

И эту жизнь считать земной удачей редкой,
И понимать – не долг в ней полет,
И знать, что голубь, не выдавший клетки,
Цены свободе в небе не поймет.

Танцуют аисты на поле
В звенящей утренней тиши,
И смотрят все со сладкой болью
Из проезжающих машин

Как два, впервые улетевшие от стаи,
Забыв на время неба высоту...
Вот так и мы с тобой когда-то парой стали
У всех прохожих на виду.

2008 г.

Айседора

Написал на зеркале в гримерной
Золотоголовый парень в черном,
Непомерно влюбчив, в меру пьян,
Первый на Руси, как первый в Риме,
В час признанья прима-балерине:
«Люблю Айседору Дункан».

Всех на свете баб подмять готовый,
Золотоголовый и бедовый,
Сплетней уподоблен кобелю...
Сердцу не найдя до сих отрады,
По стеклу алмазом скреб-карябал:
«Айседора, я тебя люблю».

Русских кабаков без драк не сыщешь.
Серебро стихов – в пропойных тыщах.
Золото волос летит в стакан.
Хор цыганский весел безучастно,
И рыдает поутру участок:
«Люблю Айседору Дункан...».

Выплеснулась синь из глаз, как возглас —
Юношеский пыл – на женский возраст.
Плавает, не топится в хмелю.
Не роман – спанье при всех и в свете

Как стекло алмазом – сердце сплетни.
«Айседора, я тебя люблю...».

Что ж ты, жеребенок, бледно-розов,
Долго ли протянешь под извозом,
Непривычен к окрикам-пинкам?
Мил тебе галоп иль кнут мил злобный —
В имени ее твои оглобли:
«Люблю Айседору Дункан».

Целый мир готовый взять на глотку,
Волоком тащимый к околотку,
Миром загоняемый в петлю...
Зеркалу свою оставил тайну
Тихо и светло, и так скандально:
«Айседора, я тебя люблю».

1988 г.

Ангел – он не фея

Ангел – он не фея, он не птица —
Не стрельнуть его, не изловить.
Но коль птицей он оборотится —
Так гнездо захочет в сердце вить.

В славе я, в фаворе, в бубенцах я,
С чувствами взрывными нараспах,
Мне и ангел – цап-цап-цап-цап-цапля,
С клювом – вщёлк, и ноги – нараспах.

Ласковыми крыльями и – в танго,
В рупор неба о любви трубя, —
Выключи глаза мне, милый ангел,
Чтоб не видел красивей тебя.

Чтоб кричало небо: – Вот, спую вам,
Как сорвался птицей ангел в мир,
Чтобы самым нежным в мире клювом
Губы рвать, и рвать, и рвать мои.

2013 г.

Апрельская капель

Я люблю глядеть на капель —
С крыш спадают, как в плечи волосы,
И хрустальный синий апрель
Шепчет мне твоим нежным голосом.

Я ловлю в каждой капле всхлип
Этой девичьей тайной радости,
Что не грустен и не тосклив
Я в апрельской своей парадности.

Я люблю глядеть на дворы,
Где влюбляются снова голуби,
Где, еще не прознав поры,
Все деревья бесстыже голые.

Все красивы, и все без сна,
В лужах плещется ночь глубокая.
Мостовая. А вдоль она
Каблучками так мило цокает.

Я люблю глядеть на тебя
И держать твои пальцы-веточки.
Ты, конечно – из голубят,
И, конечно, нет лучше девочки.

Пусть вопят, голосят, трубят,
Мол, за ней – хулиган по паспорту.
А еще не люблю себя,
Что я этим так много хвастаю.

2000 г.

Ария огня

Я огонь. Я без конца.
Я огонь. Я жгу сердца.

И мое дыханье – пламя,
Что мне – воздух, что – вода!
Если вспыхну между вами,
Все станет пеплом навсегда.

Я горю. И тем живу
И во сне и наяву.

Душу грею я в неволе,
Я не стану холодной.
И в любви я жгу до боли,
И сгораю вместе с ней.

Я огонь. Я горел. Я жег.
Я свеча. Я очаг.
Я – шок.

2012 г.

Ах, как плакала она

Ах, как плакала она,
Вся скривясь у алтаря,
Не молитву сотворя,
В пол холодный говоря.
В мини-юбке и в манто,
В окруженьи, и – одна.
Убиенного – за что?! —
«Новорусская» жена.

А как с кадиллом вокруг ходить —
Как по-бабьи не завуть?
И на локоны – платок...
Что удумал ты, браток?..

А я в спину ей крестясь —
Я случайный. Я не с ней.
Купола, эх, купола.
Я здесь был. Я был не с ней.
Мне за завтра – свеча.
И за прошлое – свеча.
Уповаю, лопоча.
А она молчит, крича.

Огласят вот-вот раба,
Да по ком прошла пальба.

Из руки к ногам – цветок.
Что удумал ты, браток?..

И стоим мы под причит,
И внимает купол пуст.
А у церкви ждет-торчит
Тот, который жал на спуск.
Да не ведает она.
И под святыя слова
Мир присваивает ей
Званье черное – вдова.

Ладан сладкий подыша,
В купол бросится душа.
Кабы в церкви мы одни...
Ну, да бог тебя храни.

2003 г.

Ах, какая у бога дорога

Ах, какая у бога дорога —
Камни, крест, пика в ребра и кнут.
А ты ропщешь: как выпало много! —
Вроде, как и тебя волокут.

Что твой крест? – сирых дней бытовуха,
Разговоров прокухонных муть.
По сравненью с тобой – он был ухарь,
Под крестом пробивающий путь.

Не нытьем, не провидьем калеки,
Не истошным исходом души.
Он оставил светло и навеки:
Крест несешь? – В честь него и дыши.

2017 г.

Ах, ты, жизнь – заплаты-ключья

Ах, ты, жизнь – заплаты-ключья,
Перешита на сто раз
Так красиво, да не очень
Что-то радуется глаз.

Пролетает на три счета
Под ударами хлыста,
Но считается чего-то
Все же длиною она.

Раз!..
И вот он – я родился.
Два!..
Любовь прошла и стать.
Три!..
С чем бился, чем разжился,
Побросал, да и явился
Перед богом щеголять.

Глянул бог и подивился:
Что ж в рубашечке к нему
В той, в которой ты родился?
Не сносилаь почему?

Никакого в ней секрета,

Нет в ней блеска да тепла.
Но меня рубашка эта
Для тебя уберегла.

2010 г.

Барракуда

В жизни бывает так —
Ссора в десяток дней,
Выключим телефон
Или расстанемся.

Музыка бьет не в такт,
Бой на часах сильней,
Звякнет ледышка – в сон,
Но не растает вся.

И по аллеям – в пляс —
Ветер листвой кружит,
Плачет за всех одна
Осень-красавица.

А у двери как глаз
Кнопка звонка дрожит,
Но только тишина
К ней прикасается.

Ящик почтовый сдал,
Гулкий пролет молчит,
Штопает землю дождь,
Но не сшиваются

Ни с мостовой вода,
Ни от замка ключи,
И с ожиданием дрожь
Не уживаются.

Как рыба барракуда от сказочных морей,
Ворвется в сердце грусть легко и ниоткуда.
И станет сердце грызть где было все о ней,
Под волнами из дней.
Как рыба барракуда.

2017 г.

Безработный музыкант

Ор вокзала украшая (или в переходе),
На рубли меняя ноты бесшабашно так,
Где кипит толпа большая, по слогам выводит,
Отбивая нос ботинку, безработный музыкант:

Женщина-конфетка,
Фантик золотой,
Жгучая брюнетка —
Не хочу другой!

А курсистка с кавалером под наркозом лета
Улыбнется и простится с денежкой смешной.
Бросит под ноги – примером – мятую монету
И к цветочнице умчится, отбивая такт спиной.

Женщина-картинка,
Фантик золотой,
Жгучая блондинка —
Не хочу другой!

А когда толпа растает, тертая без счета,
Без улыбки и без маски тихо, как всегда,
Точку звонкую поставит (волей звездочета)
В шапку брошенная наспех сердобольная звезда.

1995 z.

Белая горячка

Твой мир – большая клетка.
Мой – небо без конца.
Мы видимся так редко,
Мы – тени без лица.

То снимся, то садимся
Как голуби в чердак,
Но не уединимся,
Чтоб – допьяну! – никак.

Ты оплетаешь руку —
Как будто не моя.
Я каблуки по стуку
Сверяю, путая.

Но сладки-сладки дрожжи
Вдруг схватывают дых,
И мы с тобой похожи
На ласково-больных.

И все собой похоже
На сладкий белый рай,
Но ты в горячке тоже
Смотри, не умирай.

В обнимку балом правим,
А стыд нам – трын-травой.
Давай еще добавим
И – в омут с головой.

Белая горячка – белый локон
На руках горит моих —
У любви запой – не так уж плохо
На троих.

Белая горячка – ангел снежный
С факелом в руке
Наши души палит нежно, нежно
В костерке.

2009 г.

Белый голубь

Ах, как на балконе белый голубь ворковал,
Белый, будто снег, выпал на окно.
Если бы он вправду письма раздавал,
Перепало б мне тоже хоть одно.

Мелочи, пустяк, пару легких строчек,
Он принес мне, если бы хотел.
Просто забирать письма он не хочет,
Просто от кого-то улетел.

Как я верю этой птице, что в чужом дворе
Пары не найти, хоть светлым-светло.
И придется воротиться с грустью на крыле,
И в сердцах потом биться о стекло.

А телефон молчит, говорить не хочет —
Все слова он знает наперед.
Ах, лучше не звонок, лучше пару строчек —
Голубь полетает и найдет.

Не уколет грудь бумаге острие пера,
Мысли, будто птиц, ветром унесло.
И уснет – тобою брошен тоже до утра —
На столе листок, белый, как крыло.

Адрес выводить – с памятью возиться.

Ждать неделю, если повезет...

Ах, лучше не в конверт, лучше – в ноги птице.

Голубь не обманет, принесет.

1996 г.

Белый пароход

Завтра будет все не так.
Завтра в землю грянет дождь.
Завтра ты уедешь, улетишь, уйдешь.

А сегодня мы с тобой,
Птицу-Лето ухватив,
Жарко обнимаясь, попадем под объектив.

Белый пароход и синее море —
Пляжный фотограф, снимай скорей! —
Вот она в смешном головном уборе,
Ветреная чайка души моей.

Завтра будет свет не мил.
Выбросит на берег грусть.
Завтра я в тебя в который раз влюблюсь.

А сегодня бьюсь об мол
И шепчу тебе листвою,
И считаю чаек у тебя над головой.

Белый пароход и синее море —
Пляжный фотограф, снимай скорей! —
Вот она в смешном головном уборе,
Ветреная чайка души моей.

Завтра потеряет блеск
Самый белый пароход.
Завтра летний глянец с мира упадет.

А сегодня жмет на спуск,
Не обременен ничем,
Суетный фотограф с обезьянкой на плече.

Белый пароход...
Пляжный фотограф...
Вот она в смешном...
Ветреная чайка...

2000 г.

Блядь

У ночного клуба
Блядь, а не голуба
На крыльце.
И у этой бляди
Всплаканные пряди
На лице.
Кручены-верчёны
Под одежды черны,
Чтобы, – глядь, —
Проходили мимо —
Надо же как мило —
Блядь.

А она мне – крошка,
На соломах-ножках
В бантиках-губах
Зябится у входа
Слева от народа,
Вкуривая страх.
Ждет чего-то нервно,
И подруге стервной
Станет врать,
Что концы здесь рубит.
И его не любит.
Потому и – блядь.

2010 z.

Бог нам встретиться не дай

Мы с тобой давно простились,
Кто куда запропастились,
С кем – не ведай, не гадай.

Память нас на фотках сырых
Пропечатала красивых.
Бог нам встретиться не дай.

Ситчик манкий, хрупкий, тонкий
На фигуристой девчонке,
Время, тленью не предай!

Коль по шейке по лебяжьей
Складка ляжет – не промажет,
Бог нам встретиться не дай.

В белом омуте простынном
На остылом, под постылым
Клятву молча оправдай.

Облилась слезами свечка,
Носит правая колечко.
Бог нам встретиться не дай.

На кудряшливость височков

Время целит белой строчкой.
Стой, прошу, не увядай!

Ты ли замужем, за мужем?
А глаза – две мокрых лужи.
Бог нам встретиться не дай.

В душевной камере спросонок
Ключ мерещится в засовах —
Выходи иль выбредай!

Не венчались, так на кой нам
Пастор с лязгом колокольным?
Бог нам встретиться не дай.

В коридорном стылом гуле
Нежных слов разбитый улей
По куплетам раскидай.

И на первом стыке рельсов
Хрусталем об пол разбейся...
Бог нам встретиться не дай.

Под сургучный глупый оттиск
Наши контуры и опись,
Память, в бездну не кидай.

Пусть мы так, в давнишней паре:
Ты, и мальчик – на гитаре.

Бог нам встретиться не дай.

Я опять полночный пленник
Вязну в щупальцах сирени —
Шестиструнная, страдай!

Далеки, как солнца пятна,
Вдруг слова твои понятны:
«Бог нам встретиться не дай...».

1988 г.

Бурлак

Куда ни бреду я – всё против шерсти,
Движения супротив.
И в каждом звуке, и в каждом жесте —
Кому-нибудь на пути.
И купол небес, запрокинув донце,
Мне спину дождями бьет
За то, что под ним волоку я солнце
С заката на восход.

Я – бурлак.
Я на лямке у баржи расхристанной – как на поводу.
Я – бурлак.
Где под крик, где под кнут, где под выстрелы – так и
бреду.
Лямка моя, ты мне невеста, и епитимья, и флаг!
Горько мне в ней, одиноко и тесно, но я – бурлак.

И шепчет мне лямка: «Держи меня, милый,
Не гневайся и прости
За то, что твои отнимаю силы
И плечи тру до кости».
И там, где земле расступиться впору,
Мне ноги камнями рвет
За то, что свой крест волоку я в гору,
А не наоборот.

1998 z.

Был вечер тот

Был вечер тот не по-земному ласков,
А имя состояло из трех букв.
Она была красивой синеглазкой,
И я ее не выпускал из рук.

Был я куражной славой избалован,
Влюбиться мог и сгинуть на бегу,
И кувыркался чувствами, как клоун,
В азарте на курортном берегу.

Где волны с гребешком белее мела
Кидались в ноги и хлестались в мол.
Она мне тихо из-под мышки пела,
И целый мир улегся и умолк.

И был счастливый я и полупьяный,
И в лен волос ее заныривал рукой,
И ночь окуривали сладкие кальяны
Красивой синеглазенькой такой.

2005 г.

В Екатеринбурге

Вечер грустен и без песен вышел как обряд:
Светел, нем и свят – как крест на рясе.
Я бельмом в глазу ночного фонаря
Поторчу и двинусь восвояси.

По памяти, повдоль неонных знаков —
Под пестрой их водой мой путь так одинаков —
На те же улицы гребу, на те же переулки.
Я в Екатеринбу...
В Екатеринбу...
В Екатеринбурге.

Увязался, не отгонишь, пес-мотив простой,
Громыкает цепь стихотворений.
Первая же встречная мне девочка, постой,
Грех не наломать тебе сирени.

Года мои – в горсти изломанные ветки.
Сирень, меня прости, я только что из клетки.
Кричи, закусывай губу, ведь я приписан в урки!
В Екатеринбу...
В Екатеринбу...
В Екатеринбурге.

И погост, и дом казенный, и церковный звон —

Вот они, бок о бок неизменно.

Вечный Плен с Трезвоном Вечным сменит Вечный Сон

—

Прав Есенин: все мы в мире тленны.

Пока же мы не тлен, и наша жизнь не ретро,

Мы – ветры перемен, пусть корчатся от ветра

У пьедесталов на горбу державные придурки.

В Екатеринбург...

В Екатеринбург...

В Екатеринбурге.

1988 г.

В память о Е. Евтушенко

Хворь сделала свое дело —
Пришлось – и перо сложил.
В Америке жил он телом,
Душою в России жил.

Перо окунал в стакане
И строчки швырял на кон —
В России он хулиганил,
В Америке чтил закон.

Но в строчках среди истерик,
Признаний в любви и слез
Нигде не видать америк
За локонами берез.

И вот, улеглось, отпело,
Но, все ж, под исход тепла
Вернуть попросилось тело
Туда, где душа жила.

2017 г.

В солнечном порту

В солнечном порту, где все глаза раскосы,
Где седлает солнце мачты, словно кол,
Где дурной травой шпигуя папиросы,
Подмигнёт тельняшечник мне, пропит и гол.

В солнечном порту изогнута лекалом
Год назад, и два, и нынче точно так,
Дама на углу стоит, как и стояла —
Вспыхивает-гаснет «Мальборо»-маяк.

Весел я, но мне не ощупать порт,
Здесь не я один хочу ее обнять.
Выберусь и – прочь. Закачаюсь, горд —
На сто пальм березу мне не променять.

Хриплы голоса. Гудки из моря хриплы.
Льёт на плечи бронзу солнечный черпак.
Небо хочет птиц, но к глазам прилипли
Бронзовые чайки, севшие в кабак.

Якорь тяжело спит. Меня не ждут на трапе.
Поднял паруса я бы всей душой.
Белый и смешной в азиатской шляпе,
Брошусь на песок – тёплый, но чужой.

1994 z.

В то окно, где жил-был я

В то окно, где жил-был я, стучала ветка,
И в стекло ломились ветры и дожди.
Мне распахивала створки, будто клетка —
Вылетай, летай-летай, ходи-броди.

И катились мысли прочь по спицам улиц,
И шагал своей дорожкой лунный свет,
Где однажды с ней мы вдруг не разминулись,
Потому что двух дорог случайных нет.

Этот город был большой волшебной сценой —
То луны, то солнца диск горел околь.
Там сирень двory топила сладкой пеной
И лететь, лететь хотелось на огонь.

И за то любой судьбы костить негоже,
Как негоже одному за здоровье пить —
Все мы были удивительно похожи,
Всем однажды в жизни выпало любить.

В том окне, как в упоительном кристалле,
Вечной жажде – вдоволь всякого питья.
Оттого слетали песни птичьей стаей
На окно. А в нем когда-то жил-был я.

2017 z.

Вдоль по памяти

Вдоль по памяти бреду,
Вспоминаю, все как было.
Девочка, в каком году
Называла меня милым?

Сладкий мой ночной улов, —
Но Амур прицелил мимо, —
Нашептал красивых слов,
Да забыл назвать любимой.

И она ушла, как сон,
И пришла за ней другая.
Завертелось колесо,
Жаром тех же слов пугая.

И заноза, что вчера
Ночью вместо сердца ныла,
Поминала до утра
Ту, что называла милым.

На ветру холодном дрог
И с жарой несносной бился.
Слов красивых было впрок,
Что же я на них скупился?

Их теперь другой дарю,
Но в душе под сладким илом
Будто ими говорю
С той, что называла милым.

Лён её волос
Я вдыхал ладонями,
Блестки синих слез
Собирал в горсти.
И штормило плёс,
Тот, в котором тонем мы,
Из которого некуда грести.

2012 г.

Верстачная лирика

С утра вскочу, скривлюсь в зевке
И – марш бегом в столярную!
Успеть сточить на верстаке
Одну строку коварную.

Никак не взять её пером —
Вечор пришлось помучаться.
Но нынче – дудки! – топором
Хвачу, авось – получится.

А там – в тисы и под резец,
По-новому заточенный,
Поскольку – длинный образец,
А нужен – укороченный.

Один резец, потом другой —
Какая стружка пышная!
Гвоздей – в нее, загнуть дугой.
Ну, как? Есть что-то лишнее?

Давай стамеску, долото —
Долбить её, сучкастую.
Зачем – перо? Перо – не то!
Оно лишь мажет пастою.

А тут, гляди: запил, овал,
Резьба, заточка с фаскою.
«Гаврила хлеба продавал...» —
Пойду жене похвастаю.

Принес, а баба мне в ответ,
Проклятая изменница:
– И так топить поленьев нет,
Неси, дурак, в поленницу.

1988 г.

Весенний дождь

Весенний дождь – слепое окропило —
Шел от людей опустошать дворы
Где девочка красивая так мило
Меня под гром держала за вихры.

Проплачет дождь, а значит и отмолит
Наш малый с этой девочкой грешок.
Утонет мир, но нас ничто не смочет.
Мы выжгли ночь. Нам было хорошо.

Пролилось сто дождей. Холодным жезлом
Коснулась луж бесчувственно зима.
Не я пропал. Не девочка исчезла.
А просто, чувства были без ума.

2016 г.

Влюбился, девушка, в тебя

Плыл по ветру теплый вечер
И за горизонтом гас.
Ты попалась мне навстречу
В первый раз.

Твоя улыбка певчей птицей
Растаяла в ночи,
И замелькали встречных лица:
Ищи ее, ищи.

Помнил я, за ней шагая,
Все черты ее лица,
Но вела меня другая
Улица.

И полетело время свистом,
Как камень из пращи,
Аэропорт гудел и пристань:
– Ищи ее, ищи!..

Город в суете извечной
Вряд ли встречу принесет.
Кто я ей? Обычный встречный,
Вот и все.

Меняет мир свои одежды,
Но в огоньке свечи
Живет всегда тепло надежды.
Ищи ее, ищи.

Я влюбился, девушка, в тебя.

2008 г.

Во дворе

Во дворе, где радиола на конце иглы держала
Нить мотива и луны лимонный диск,
Пробивал гитарой-соло какофонию квартала
Такт за тактом ливерпульский гитарист.

А потом игла чихала, открывалась дверь балкона,
Дом полночный пестрой шторой делал вдох...
В послезвучье возникала темноглазая икона,
И отскакивали пальцы от ладов.

И шептал полночный идол в огорошенное небо
То ли имя, то ли рифму, то ли бред.
И казалось мне, обронит: «Милый мой, сейчас я выйду,
Мне родительское слово не запрет».

Мирно спал киоск с газетой, где объявлен был крамолой
Этот парень, что с пластинки хрипло пел.
Но парили над запретом эта девочка и соло,
И над ними – звезды, белые, как мел.

А вчера на углу, там где очередь кольцом,
Мы столкнулись с ней к лицу лицом.
– Я узнал вас по ногам и духам.
Не узнали и подумали вы: хам.

Вот ведь время лица как подправило —
Ни на ощупь не узнать, ни на глаз.
И разговор у нас по правилам:
Хвастайтесь, я радуюсь за вас!

...Толстый, глупый и довольный, вот он,
Как павлин, как майский мотылек,
Щурится со свадебного фото —
Ваш уже законный кошелек.

А фото мне не нравится, но я совсем не злюсь
За то, что на картиночке не я вас приласкал.
Но в складках платья вашего спит дорогая грусть.
И в кольцах изумрудных – зеленая тоска.

А вчера на углу без запиночки и в лоб
Оценили вы мне свой гардероб.
И что на скрипочках у вас детвора —
То ли дело! – А что я вам пел – мура.

Вот ведь слово – как назло застряло в горле —
Не пропеть, не выговорить враз.
И разговор у нас по форме:
Хвастайтесь, я радуюсь за вас!

...Звоном, хрустом и шуршаньем полный
Снимочек – не взять, не упрекнуть:
Катят вас брильянтовые волны
Золотому берегу на грудь.

А остальное мелочи. И я гляжу вдогон —
Всего тебе хорошего, пей сладко и до дна.
А все-таки та девочка выходит на балкон,
И в платье ее грошевом спит медная струна.

1990 г.

Воробыи

Проститутки на Тверской, как воробыи,
Жмутся с холода к шныряющим авто.
Подобрал бы кто, уж тут не до любви —
Под дождем стоять, распахивать пальто.

Поиграл бы кто хоть в теплые слова
(Ну, какие, к черту, «бабочки» в мороз!).
Где же едешь ты, богатая братва —
Глазки синие, как медный купорос?

Где бы выловить, чтоб – денег три мешка?
Поделили, всем хватило бы расцвечь.
А что возьмешь с приезжего лошка —
На помаду да на пару раз поесть.

И столичная презлая суета
Не поверит ни слезам и ни словцу.
Время – за полночь. Ну, где ж вы, блатата?
Привезли бы, что-ль, богатую овцу.

Синим пламенем гори она, дыми,
Папиросочка кайфовая в горсти.
На Тверскую со студенческой скамьи —
Мать узнает, зарыдает, не простит.

И красива, и собой не лимита,
И с артистами могла бы покутить.
Может, просто улица не та?
На Лубянскую пора переходить.

Что за осень – на асфальте ни листка,
От неона ночи светлые, как дни.
Вот и розочки голландские с лотка
Тоже маются – приезжие они.

Тоже ввалятся сегодня в чей-то дом.
(Ну какие, к черту, жрицы от любви!)
Принцы... Ротшильды... Но это все потом.
А сегодня – на Тверской. Как воробьи.

1997 г.

Воспоминание

Смеется девушка чему-то у фонтана,
Ей все обыденное – сказочно и странно,
И провожатый – молод, мил и мимолетен —
Смешит ее стихом на самой верхней ноте.

Талдычат голуби и кланяются низко
На шпаги ног прелестной чудо-гимназистки.
Я – провожатый. В одиночестве – беда нам.
Горит июль. Мы оба в небо бьем фонтаном.

На кон замётано, что юность накопила —
Кривится девушка над горечью у пива.
Слова срываются с проворством воробьиным,
Улыбка мается собой в бокале винном.

И фонари вокруг в почтительном поклоне
Купают ноги в акварелевом неоне.
Две тени сходятся, и путаются космы.
Смеется девушка так ветрено и просто.

Все как в кино. Все на пределе, как на гонке.
И только нет ни тормозов, ни киноплёнки,
И за пустяк в душе сражаются армады,
И вкус победы – вкус пронзительной помады.

Смеется девушка чему-то у фонтана,
Ей все обыденное – сказочно и странно.
И весь сюжет случаен, чист и мимолетен.
И оборвется он на самой верхней ноте.

1990 г.

Вот мы и допели

Вот мы и допели,
Дошагали, долюбили, как могли.
Давние капли
Нас дождями в эту осень занесли.
Как случилось, если
Не заладилось ни сердцу, ни уму —
Лето были вместе,
Ну а в осень забрели по одному.

Помнишь, пели птицы,
Наряжая в побрякушки тишину?
Как тут не влюбиться,
Как на мысли не повесить пелену,
Как не рваться летом,
Загоняясь на попутном лихаче?
И молчать об этом,
Засыпая ранним утром на плече.

Я к другому дому
Зашагаю по заснеженной поре,
Ты споешь другому
В позолоченном нагретом сентябре.
Тихими кругами
Подрожит и успокоится вода.
Все, что было с нами,

Не вернется ни за что и никогда.

Где же ты?

В далеком городе

Ветер кружит желтые листья.

След простыл —

Мы оба гордые.

Где же ты?

2009 г.

Вчера

Плясал вчера на крышах города
Со снегом дождь.
И мне казалось, из-за холода
Ты не идешь.
А мне казалось, что назавтра ради нас придет жара.
Но завтра кончилось вчера.

И звали ветки, ветром включены,
Тебя одну.
Орали трубы водосточные
Сквозь тишину,
Что завтра лето прошлогоднее опять придет с утра.
Но завтра кончилось вчера.

И никому на свете дела нет,
Где этот зной.
И почему похолодело – в снег —
Перед весной?
Наверное завтра всем черемухам цвести опять пора.
Но завтра кончилось вчера.

Под танго водосточных труб
Среди двора,
Гляди, танцуют на ветру
Мое с твоим Вчера.

2007 z.

Вы бросили якорь

Волны сдвинулись с такта,
И рассыпался в клочья прибой.
Вы, как белая яхта
С белокруглой вихлявой кормой,

Протаранили ночью
Все, что встало на вашем пути,
И якорь бросили прочно
До утра у меня на груди.

И глядел исподлюбья
На меня солнцедиска колосс,
Как взрываю я хлопья
Золотых несусальных волос.

И, забывши про иней,
Холодящий рассудок виска,
Ниже всех ватерлиний
Опускается сладко рука.

Я в войне с целым миром,
Я собой над войсками – верховн.
Источаюсь, как миром,
Золотыми слезами стихов.

Я – поэзии дьякон,
Причитая, у моря бродил.
Вы здесь бросили якорь.
Так пришлось – у меня на груди.

2005 г.

Выпейте с поэтом

Девки в мини-юбках,
Выпьемте со мной,
Бляди ли, голубки,
Водки ледяной.

В этом шуме-гаме
Вам ли невдомек,
Что набит деньгами
Я, как кошелек.

Выпьем, девки, в сквере,
Просто, без спанья —
Нынче кто поверит
В слово без вранья.

Завершают сутки
Стрелки – скок-поскок.
Девки-проститутки,
Жены на часок.

К разъядреной маме
Гнать бы вас в пинки,
Да виной пред вами
Все мы, мужики.

Виноваты – слабы,
В чем-то знать хворы,
Коль хватают бабы
Негров за херы.

Горькие причины
По нутру скребут —
Ихние мужчины
Наших баб ебут.

Доллары-бумажки
Лэйболово шмотье.
Эх, вы дуньки-машки —
Катанье-мытье.

Злобой-беленою
Что тут исходить —
Сами мы виною,
Нам ли баб судить?

Поздно бунтоваться —
Век давил испуг.
Голь и гром оваций —
Дело наших рук.

Ах, вы сони-вари —
Круглища румян,
Тьмой бесполох тварей
Век наш обуян.

Сверху – кнут без меры.
Снизу – сплошь гробы.
Крестит поп без веры
Толоконьи лбы.

Потому, простите,
Каюсь, виноват.
Потому крестите
Нас в ядреный мат.

Выпейте с поэтом,
Чтоб вовек веков
Помнило об этом
Племя мужиков.

1990 г.

Гитара и шарманка

Гитара спорила до хрипоты
С невозмутимой шарманкой:
«Как можешь ты, как можешь ты
Одно и то ж до поздноты,
И в ясный день, и спозаранку?»

Терзался струнами потертый гриф,
Шарманка сонно отвечала.
Но иссякал ее мотив,
На полуслове прекратив,
И начиналось все сначала.

Я играю, я играю,
По чужим дворам шагаю,
Наша музыка – «шарман».

Жучка, шляпа вниз тульею —
Мы живем одной семьею,
Право-слово, не обман.

При свечах или при звездах
Звуки легкие, как воздух,
Слух ласкают и парят.

Для глухих, немых, незрячих

Верно служит старый ящик
Много, много лет подряд.

Я играю, я играю,
Не хвалю и не ругаю,
Мой хозяин мил-хорош.

Как бы ручку ни крутил он,
Отвечаю я мотивом —
Мы поем одно и то ж.

А продаст меня другому,
Хоть плохому, хоть какому,
Как наскучившую кладь —

В ту же стойку встанет жучка,
Так же в руку ляжет ручка,
И начнется все опять.

Мой хозяин звезд не схватит,
Но зато за это платят,
И врагов не наживешь.

А вот твой – поэт ретивый —
Ищет новые мотивы —
Так и сгинет ни за грош.

Я играю, я играю,
Восемь нот перебираю.

Скажут: «Смолкни!...» – Я молчу.

А твоим певцам-страдальцам

Рубят головы и пальцы.

А я ручку, знай, кручу.

А я ручку, знай, кручу.

А я ручку, знай, кручу...

1985 г.

Голубок

Мир звенел победным маршем
И цветные видел сны.
Ей хотелось быть постарше
Аж на целых две весны.

Ну а мне – как на картинке —
Перекрасить мир в свое,
И податься к той блондинке,
И с порога взять ее.

А в небе белый голубок, перышком парящий,
Ищет пару, ищет пару – ту, что быть должна.
А над ним – бумажный змей, он не настоящий,
Потому что змею в небе пара не нужна.

А потом под звуки ночи
От блондинки брел к другой —
Ее юбки – всех короче —
Мне маячили ногой.

Все духи в одном флаконе,
Мир окрестный белены,
Оживали на балконе
И спадали на меня.

А в небе белый голубок, перышком парящий,
Ищет пару, ищет пару, облетает свет.
А над ним – бумажный змей, он не настоящий,
И поэтому для змея пары в небе нет.

Летний дождь сбивает звуки
И смывает, как слеза.
Расцепились наши руки,
И упали в пол глаза.

Доиграла, как пластинка,
И оставила клише
Эта самая блондинка
Белым перышком в душе.

А в небе белый голубок, перышком парящий,
Ищет пару, ищет пару на лихой петле.
А над ним – бумажный змей, он не настоящий,
Потому что настоящий тот, что на земле.

2003 г.

Городской роман

Мы играем в городской роман
С белокудрой лахудрой.
У нее скрипя скрипит диван,
И будильник душу режет утром.
Бросить бы – не больно-то роман заманчив, —
Но что-то есть в них, в этих кукольных кудрях. Шаркает,
пиликает под ребрами шарманщик.
Сладко так пиликает внутрих.

Врет пластинка, перепачкана в вине,
Нерв последний надрывая.
И пальто мое, распятое в стене,
Ищет вешалка другая.
Голосом прокуренным погода ропщет,
Но хлопнуть дверью не поднимется рука.
Брось ее!.. Но жизнь ее растопчет.
Или в рог согнет наверняка.

Мы играем в городской роман
Так азартно и несладко.
И шарманщиков под ребрами шалман
Голосит, хрипит, вопит на все повадки.
Милая, орет будильник, уходить бы нужно.
Но миг побудь еще глуха, раздета и слепа...
Да выгонят тебя с постылой службы.

Сквозь очередь не даст шмыгнуть толпа.

1990 г.

Горожанка

Аэропорт переполнен,
И в суете бесполезной слепа,
Очередь ходит, как волны,
И нас разделяет друг с другом толпа.
А женщина просто красива,
Просто кого-то пришла провожать.
К ней так и тянет нечистая сила,
Но мне уезжать. Мне уезжать.

Что толку в прощании длинном,
Раз поцелуй не слетает с руки.
Взвоят по-бабьи турбины,
И промахнутся амуры-стрелки.
И все же на профиле этом
Взгляд невозможно не удержать.
Но я невольник, невольник билета.
И мне уезжать. Мне уезжать.

В раз первый и он же последний
Состроим смешные улыбки легко.
Ни слухов вокруг нет, ни сплетни,
И нет удивленья, конечно, ни в ком.
Но зеркальцем синим освечен,
Я стану в дороге себя ублажать.
А больше прикаяться нечем.

И мне уезжать. Мне уезжать.

Она улыбается в такт.

А мне так жалко,

Что снова колеса мои завертятся.

Красивая, просто так, горожанка

С глазами из синего зеркальца.

1999 г.

Давай, пиши

Ударит полночь, но не спится,
И не идет на ум строка.
Но раз не выпало влюбиться,
Есть пара слов, наверняка.

Их ангел с музой в танце нежном
В пустой нетронутой тиши
Произнесут легко-небрежно,
А ты пиши, давай, пиши!

Я знаю – женщина услышит
Два эти слова в тишине.
Сейчас перо их ей напишет,
Но этих слов так мало мне.

А вдруг откроет правду память —
А в ней я, кажется, грешил.
Грехи в два слова не исправить,
А потому, давай, пиши!

А этой женщине не спится,
Но знать того мне не дано
Как горько в пол слезам катиться
Через ресницы перед сном.

И ангел с музой, бедолаги,
Как копыа взяв карандаши,
Кричат и скачут по бумаге:
– Давай, пиши! Давай, пиши!..

Как самой милой девочке
Цветов не подарил —
Цветы... Какие мелочи —
Ты голубем парил.
Как самой милой девочке
Крылом не вытер слез,
А ветер дрогнул веточкой,
Взмахнул да и унес.

2013 г.

Два «прощай»

Состав вздохнет и тихо тронет,
Устало визгнут тормоза,
И на задымленном перроне
Твоя останется слеза.

А впрочем – капля непогоды,
Из глаз слетевшая мельком,
Где два «прощай» – слова-уроды —
Согнули шеи под гудком.

И через миг слоны-подошвы
Ее растопчут по пыли.
Ну вот и все. Хандра о прошлом
Уже не встанет из земли.

Но память, ты одна по крохам
Готова все перетряхнуть.
Я знаю: фразам-скоморохам
Уже проделываешь путь.

И вслед готова хоть по шпалам,
Не озираясь на флажки.
Но слишком вялы, слишком малы
Ее наивные шажки.

И стыкам в такт мигая пьяно,
Фонарь – полуночный синяк,
Под рев фальшивого баяна
Вдруг плюнет светом в товарняк.

И дым ушедшего, клубами
В зрачки пролившись, невесом,
«Прощай» с «прощай» ударит лбами
И зло швырнет под колесо.

1986 г.

Два сна

Я вчера тебя катал во сне на своей яхте,
Даже личный самолет был, облака мотал на винт.
И светился Млечный Путь, но на аллеях было ярче,
И звучал над всем сто раз хит, где ни слова про любовь.

Я вчера тебе в своем сне подарил остров
И на мраморный причал свез кораблей заморских груз.
Сотни пушек попалят пусть в нашу честь, просто.
И услышал: «Дорогой мой, лучше я с тобой без них
проснусь».

А сегодня был другой сон – по пустым трущобам.
Зарешеченных окон грусть, грохот кованых дверей.
И насущный хлеб у нас был, но добыть еще бы,
А звезде над головой так не хватало фонарей.

И без счету раз во сне твою я терял руку,
Резал пальцы о стекло луж и для замков греб песок.
И просил меня простить – в крик! – за твою муку.
И услышал: «Дорогой мой, лучше будет пусть таким сон».

Бей в барабан. Но гром громче раскатит.
Струны терзай – не хватит ладов.
В клавиши бей. Но и клавиш не хватит,
Если на них не играет любовь.

2014 z.

Две чашки

Лощеный хмырь – дитя стилистов —
Глядел с обложки в небеса,
И вы журнал листали быстро,
Присев в кафе на полчаса.

А я сидел, томясь в окошко,
Напит и, кажется, небрит,
Приняв в сравнении с обложкой
Непрезентабельнейший вид.

Но красота – страшней нет силы —
И нервность ваших сигарет,
Она толкала и манила
Придвинуть к вам мой табурет.

И в миг, когда в кофейной чашке
Вам увидался отблеск дна,
Я взял манеры, взял замашки
И оторвался от окна.

Как карандаш цветной в пенале
Я был заточен рисовать.
Я рисовал, а вы кивали
Про жизнь, и снова, и опять.

И карандаш вам тоже нужен,
Ломая грифель, расчеркать
Про нелады с жильем и мужем,
Чтоб тушью вхлип не растекать.

Все как в кино. Но рвется пленка.
И я от выхода взгляну —
Вдруг две кофейных чашки звонко
Уложатся одна в одну.

Но стол тих-пуст. Что пил, что не пил.
Лощеный хмырь журнальный – вслед.
Две чашки порознь. И пепел —
Свидетель нервных сигарет.

2013 г.

Девочка-иголка

Чего тебе от жизни не хватает?
На чем тебя поймала наркота?
Душа парит, а тело пропадает —
Лишь год прошел, а ты уже не та.
Есть прозвище тебе – любовно и надолго:
В компании своей ты – «девочка-иголка».

Твой крепок сон, а рядом спит безбожник.
И кажется хоромами нора,
Где каждый вечер дьявольский художник
Отравленные краски подбирал.
И ангелы, что вслед кружили белой стаей,
Синими, зелеными на небе стали.

Уколется по вене,
Забывает по фене
Золотая молодежь.
Покорно и без толка,
Девочка-иголка,
Зачем ты вновь сюда идешь?

1995 г.

Девочка-огонь

Как время пролетает быстро,
И, кажется, забыл ее.
Она живет и мечет искры
Уже на сердце не твое.

Но, вдруг, она опять навстречу,
И, вот, опять мы говорим:
Давай, как было, в летний вечер
Пожаром погорим.

А звезды в небе одиноки —
Так много их и все – ничьи.
А в жизни после рек глубоких
Так хочется нырять в ручьи.

И ты опять стоишь так близко —
Руки коснулся – и пропал.
И, вот, опять слетает искра
На пушечный запал.

Ты – девочка-огонь,
Чтоб завтра не жалеть
О том что ты была...Была.
Ты – девочка-огонь,
Давай с тобой гореть

Дотла... Дотла.

2017 г.

Девочка в четырнадцать с любовью

Говорила мне когда-то это
Девочка четырнадцати лет —
Задохнуться в запахе букета,
Слиться в танце белом – на паркет.

И так в шею мне впивала пальцы,
Что уже не вырвать, не отвести.
Белый танец и цветы-страдальцы
В память камнем канули – бог весть.

Но следы до сих, как когти рыси,
Теплят, колют и гоняют вспять.
Что ж букетом тем себя не высек,
Глазом что ж не смог не захлипать?

Где под тучи с поступью слоновьей,
Под показ небесного кутюр,
Об меня в четырнадцать с любовью
Девочка ломала маникюр.

2016 г.

Девочка из лета

Грянет ночь глухим дуплетом
Над погашенным двором,
А бумага вспомнит лето
Под блуждающим пером.

Ветер листья в злые клочья
Растирает во хмелю.
Вот теперь я знаю точно:
Я опять тебя люблю.

Все как снилось, увлекая,
Так чего же надо мне?
Ты красивая такая
Танцевала при луне.

Под свирели, под басы ли,
Там, где нынче тишина,
И следы твои босые
Смыла теплая волна.

И в руке, как нож холодный,
Я сжимал ее билет,
И змеюкой подколодной
Выползал прощальный бред,

И держала, как злой заступ,
Пыльный поручень рука
Милой девочки глазастой
До последнего гудка.

Двор безмолвный, мне бы впору
Заблажить по всей ночи:
– Где украсть, какому вору,
От души ее ключи?

Под аккорды, под куплеты
Чей забор перемахнуть,
Чтобы девочку из лета
Хоть на миг опять вернуть?

Вспомнил я про это,
Остальное показалось – суета.
Девочка из лета.
Девочка из лета-та-та-та-та...

2001 г.

Девочка под дождем

В городе дождь.
В городе сон.
Ветер сырую листву волочит.
Фары, как нож
Мокрый картон,
Режут мой город на части в ночи.

Жаль, что художником быть я не рожден.
Вот и картина – творенье божественных рук:
Девочка под дождем.
Девочка под дождем.
И никого вокруг.

Лужи без дна.
Небо без дна.
Я – посреди, оборвав якоря.
Это она.
И не она.
В этом дожде я такую же потерял.

– Жаль расставаться, давай переждем.
– Жаль, – отвечала, – но дождь промочил глаза...
Девочка под дождем.
Девочка под дождем.
Так много лет назад.

Вот и нашлась,
В дождь пробралась,
Локти содрав и посбив каблуки.
А ночь все быстрее
Льет акварель
И размывает глаза ее – васильки.

Там, где я маюсь в ночи, осажден,
Там, где натурщица мокнет навзрыд, чуть дыша...
Девочка под дождем.
Девочка под дождем.
А имя ее – Душа.

2000 г.

День рождения

Вам завтра 25. И званый люд,
Я верю, изойдет на комплименты.
Я верю, треснет стол от вин и блюд,
Собранных соответственно моменту.
Охапкам роз не хватит в доме ваз,
Не хватит слов воздать хвалу фасону.
Меня здесь нет. Но поздравляю вас
Гудком автомобильного клаксона.

Я знаю, грянут вилки и ножи
Почище, чем на поле Куликовом,
И голос из колонок заблажит
О том, что кто-то где-то цепью скован.
И в час, когда затеют перепляс,
Со стенки если грохнется гитара,
Считайте, это я поздравил вас,
Тепло и громко, в самый миг разгара.

Квартирный пес ваш выкупан ко дню,
Надушен, нацелован и – по кругу.
К тому же, он участвует в меню —
Он умный, он во всем заменит друга.
Но если он на шею прямиком
Сорвался, оцетинился, залаял,
И если вам в губу вцепился он,

Считайте тоже – это я поздравил!

Я верю, все хлебнут на брудершафт.
Друг друга за грудки никто не схватит.
Никто «ерша» не халкнет, оплошав,
И ни один не ляжет спать в салате.
И вы, блеснув собой (само собой!),
В кругу гостей – большой бриллиант в оправе...
Но если драка, если мордобой,
Вы скажете: «Нас Новиков поздравил!»

Вам завтра 25. Я верю, грусть
Берет, когда пирог в свечах, как ежик.
Я к вам навряд ли в гости соберусь,
Да и навряд ли мне ваш муж предложит.
Но если вы на несколько минут
Сбежите вниз (для вас почти нет правил),
И если вас до завтра не найдут,
Пусть знают: это я пришел, поздравил!

1988 г.

День рождения (31 октября 1984 года)

Сегодня день в календаре настенном
Отмечу я не крестиком – кружком.
И мы его отпразднуем отменно
С единственным сокамерным дружком.

Петруха – мой товарищ по жилищу —
Сегодня гость и друг в одном лице.
– Санек, вставай! Вставай, Санек, дружище, —
И, как всегда, добавит мат в конце.

Нас двое в этой маленькой клетушке.
Купаясь в колком дыме сигарет,
Мы шутим: эй, тюремные кукушки,
Кукуйте, сколько нам отмерят лет?

Все впереди неясно, шатко, зыбко.
– Давай, Петро, вари тюремный чай, —
И мы, лицо сооривши в улыбку,
Глотаем, дуя, горькую печаль.

Потом начнем болтать про развлечения
И, укатив за тридевять дорог,
Пачушку стограммовую печенья
Прикончим, как рождественский пирог.

Потом откроют дверь, меня окликнут,
Петруха сунет пачку папирос,
И целый пост к замкам дверным приникнет
И угадает: снова на допрос.

Потом вернусь. Курнем. Опять заварим.
Былое вспомнить снова захотим.
Махнем к нему в его родные Гари
И снова по Восточной полетим,

Заглянем в гости к преданному другу,
Любимых вспомним, каторжно вздохнем...
И стрелки, завершая бег по кругу,
Замрут на стенке тридцать первым днем.

1984 г.

Дом под снос

Как просто, тихо, без речей,
Решился будничный вопрос:
Мой дом, теперь уже ничей,
Приговорен – идет под снос.
Еще денек – и крыша с плеч,
Сползется гусеничный лязг.
На пустыре, где стенам слечь,
Устроят бревна перепляс.

Где белый голубь на шесте,
Где в мае яблоня в фате,
Где звоном битого стекла —
Гляди – стрижи из-за угла,
Где по натянутой струне
Танцуют тени на стене,
И чертит детская рука
Границы мира с чердака.

Не дом – корабль кверху дном.
Один – и ты уже не флот.
Большим растерзанным окном
Кричал его беззубый рот:
«Здесь больше некому стеречь
В горошек ситцевую ночь!..
И на траву, как было, лечь,

И полететь куда-то прочь».

Где белый голубь на шесте,
Где в мае яблоня в фате,
Где звоном битого стекла —
Гляди – стрижи из-за угла,
Где по натянутой струне
Танцуют тени на стене,
И манит пальцем на крыльцо
Кавказской пленницы лицо.

Что здесь задумано потом —
Благословенным трижды будь!
Конечно, дом, конечно, дом
Построят здесь когда-нибудь.
Каркас, затянутый в бетон,
Глаза окон – во все концы.
«А где же тот?.. А где же он?..» —
Весной замечутся скворцы.

Где белый голубь на шесте?
Где в мае яблоня в фате?
Где звоном битого стекла —
Гляди – стрижи из-за угла?
Где по натянутой струне
Танцуют тени на стене,
И тихо лестница-клюка
Живет под мышкой чердака.

1985 z.

Дурман

В темном лесе есть поляна.
На поляне есть цветок —
Испытаешь вкус дурмана,
Еслихватишь хоть глоток.

Тот цветок порос бурьяном.
Дни и ночи напролет
Алкашам и наркоманам
Он покоя не дает.

Он любую тварь стреножит,
Будь ты – сдуру, или – пьян.
Кто к себе его приложит —
Превращается в бурьян.

Тот бурьян встает вдоль просек,
Блещет черною росой,
И его вприпрыжку косит
Тетка черная с косой.

Сказка ложь, да вся с намеком
Для любого дурака.
Шел я боком, боком, боком
Мимо черного цветка.

Шел размашисто и быстро,
Не касался, не вдыхал,
Но молил – от божьей искры,
Чтоб тот лес запылал.

Ядовит он очень ведь,
очень ведь.
Но стоит у леса очередь,
очередь.

2007 г.

Екатеринблюз

Оркестр ночного города...
В нем звуки живут в тесноте.
Разбрасывается гордо
Осколками дискотек.

Включайте же все на полную
Немедленно и сейчас!
Я музыкой город наполню.
А музыка вся про нас.
И к церковке на подходе я
Притихну, остепенюсь.
Здесь бог мне послал мелодию —
Екатеринблюз...

Он знает, что все мы спятили,
Оглохли в один присест.
И в память нам всем распятием
Сутулится сирый крест.
И я на него юродиво
До драных колен молюсь.
Молитвою мне мелодия —
Екатеринблюз...

Прозрачный он и упрямый —
Не впишут его в листы.

Я девочке лучшей самой
В него заверну цветы.
Грозятся уйти, уходят ли —
Я все равно остаюсь.
Как нота из той мелодии —
Екатеринблюз...

1999 г.

Есть на свете истина

Есть на свете истина одна лишь,
Но узнать ее нам не дано.
Всей на свете правды не узнаешь —
Мир бездонный. Зря мы ищем дно.

Зря мы ищем дальний купол неба,
Увлекаясь мыслями в полет.
Даже бог наш в этом своде не был,
Потому и нам быть не дает.

Даже если к господу предстанем:
«Дай нам правду, мы же – человек!..»
Все равно всей правды не узнаем.
И уйдем искать ее навек.

2009 г.

Жена

Эта женщина седая
Мне не мать и не сестра.
И глазами молодая,
И душою не стара.

Их, сединок этих частых,
Не берет басма и хна —
Не гадайте понапрасну:
Эта женщина – жена.

Из ее сединок тихо
Каждый день не с той руки
Жизнь кроила, как портниха,
Да вязала узелки.

Клок фаты на свадьбе майской
Распустился в нитку-прядь...
Век теперь со мною майся —
На кого теперь пенять.

Так и было. Ждали лета
В тридцать первый майский день.
На четыре части света
Мир дурманила сирень.

Мне тогда подумать можно ль,
Что взамен ее любви
Путь сибирский, путь острожный
Втиснут под ноги мои?

А беда-то вся до точки
И известна, и стара:

За мои куплеты-строчки
Непродажного пера.

Где от боли и от пота
Я душой на части рвусь,
Где хрипит надрывной нотой
Измороженная Русь.

Где сквозь слезы – смех до колик,
Да облава – пес на псе,
И куда ни ступишь, Новик,
Ты – в запретной полосе!

За полшага до крушенья —
Здесь охотник глуп и слеп —
По певцам, как по мишеням,
Лупит сверху, влет и вслед.

Увильнуть от мушки-злючки —
Не стерпеть душе стыда.
Мать-Россия – круг в колючке,

Значит, верно, мне – сюда!

Где земле огромной горло
Давит «малая земля»,
И заздравят звуки горна
Власть брякушек и рубля.

Мне туда, где Честь и Веру
Раздавил плакатный щит,
Где в загонах и вольерах
Совесьть наша верещит.

Где гуляет нынче плетка,
Пряник завтрего сулит.
Посбиваю ли подметки
Иль с подметок буду сбит?

Я не свят. И жизнь вторая
Мне в кармане не дана.
Но на эту я сыграю,
Коль играется она.

Коль целы и невредимы,
И красивы до сих пор
Этой женщины седины —
Струн серебряных аккорд.

1984 г.

Женщина ушла

За женщиной тянулся шлейф —
Синявый дым табачный
До первого угла.
Сорвалось с губ моих о ней
Два слова неудачных,
И женщина ушла.

Висел вопрос в ее прищуре узком.
Продать она себя хотела и могла
На языке любом. Но я сказал на русском.
И женщина ушла.

А я пошел, мурлыча в тон
По городу, где Альпы
Над крышами – горбом.
Где танцовщицы за стеклом
То белы, то асфальтны,
То просто в голубом.

И в кабаке, в дыму, в проходе узком
Мне пела у стола захлеб и догола.
И даже позвала. Но я сказал на русском.
И женщина ушла.

И был я нем. И был я зол.

И ухарем бездомным
Из потного стекла
Чужое пойло, как рассол,
Хлебал в дыму бездонном.
И выстыл, как зола.

И в руки мне ломилась грудью блузка.
Кривлялась и врала. Метала и рвала.
И на углу ждала. Но я сказал на русском.
И женщина ушла.

1995 г.

Жил-был город

Жил-был город под любовью
Без печалей и скорбей,
Шумно за его здоровье
Пил из лужи воробей.

Каблуки нескладной дробью
Мостовые били днем.
Жил-был город под любовью.
И я жил, конечно, в нем.

В небе клякса – голубь сизый —
Он мне писем не носил,
Но про девичьи капризы
Ворковал, что было сил.

В облака-сюиминуты
Он врывался так легко,
И казалось, вот, споют вам
Ангелки из облаков.

А в кармане слепо очень
Жил-был нож-грозоживот —
На кого и кем заточен,
Даже черт не разберет.

И лады как анфилады —
Рельсы-шпалы в добрый путь —
Приводили куда надо,
Хоть хотел – куданибудь.

Где так нервно и так сладко,
В губы локоном маня,
В дневнике ее закладка
Грела строчки про меня.

Лужи сохнут. Стиснет ворот.
Пыль осядет на ноже.
Под любовью жил-был город.
В небе. В музыке. В душе.

2016 г.

Жил да был

Нарисуй, художник, меня,
Пририсуй гитару мою.
Вот она висит, пыльная,
Я больше под нее не пою.

Не потому, что в ней жару нет —
Спит тишина на струне —
Время нас всех не жалует —
И вот она – на стене.

Нарисуй, художник, ее,
Чьи казались морем глаза,
Как под ту гитару поем —
Петь ей под другую нельзя.

Шорохи темных комнат,
Шепот навсхлип в ночи —
Все та гитара помнит
И молча с гвоздя кричит.

Нарисуй, художник, капель,
Что по окнам ногами бьет.
Где она, красотка, теперь,
И под чью гитару поет?

Как это все знакомо —
Холст оказался мал.
Может, остался омут,
Где я еще не бывал?

Жил да был,
Ни дня того не боле.
Жил да был,
Бродил вином все дни.
Была тюрьма, но к ней была и воля,
И били вместе в голову они.

Жил да был,
Терновником кромсался.
Жил да был,
На кулаках – без зла.
Бренчал и в омут с головой бросался,
А в каждом омуте любовь жила.

2013 г.

За морем синим

Табак выгорает так сладко,
И бродит вино в голове,
На сцене танцует мулатка,
И вечер необыкновен.

Горланят безмозглые чайки,
Вцепляются в гриву волне.
Встречайте, встречайте —
Я русский блатной шансонье!

Я вырвался за море сине
И в шляпе из пальмовых крон
Хлещу и грущу по России,
И мне не хватает ворон.

Что снег на погостах глотают,
Что воду лакают из луж.
А так же вон той не хватает,
Что за море выпустил муж.

Здесь воздух в цикадовой фальши,
И тесно уже на столе.
Я с каждым стаканом все дальше
К родной улетаю земле.

Мечтаю, как сяду в кутузке
И как из нее убегу.
Я русский. Я русский...
А значит, здесь жить не смогу.

Ах, как здесь тепло,
да не хватает дрожи.
Ах, как здесь темно
в свете фонарей.
Ах, так здесь вино —
папуасов дрожжи.
Ах, как мне хмельно.
А Родина хмельней.

2001 г.

Звоны

Хор трезвонных звуков скомкан —
Бьет собой во все концы.
Слева – колокол негромко,
Справа – треньком бубенцы.

Бубенцы вопят во славу.
Дышит колокол мольбой.
Мне налево ли? Направо?
Мне на выбор – звон любой.

Выбрал, да и выбрал
Я из этих двух,
Вырвал, да и вырвал
Окаянный слух.

Колоколу дать бы
Бить со всех концов.
Но на радость свадьбы
Как без бубенцов?

Завопят, а звон так сладок,
Как на праздник леденцы,
Из цветов небесных радуг —
Ты вставай под бубенцы!

Но проломит грудь – не больно, —
И прольется через край
Звон хрустальный колокольный.
Ты все слышал. Выбирай.

Выбрал, да и выбрал
Я из этих двух,
Вырвал, да и вырвал
Окаянный слух.

Будут пусть две плети
Звонких у меня —
Пусть мне те и эти
Поровну звонят.

2017 г.

Золотая рыба

В заведении, где на вывеске горит огрызок слова,
Где ни воду пить не стал бы, ни вино...
Но за окнами гроза, и я сажусь за стойку снова,
И прохожих, как ворон, могу считать через окно.

А она красивой рыбой за стеклом, хвостом виляя,
По дождю плывет – как жаль, что не сюда! —
Машет каждому такси и не такси, как в баттерфляе,
Но пустого не найти и не уехать никуда.

Я пускаю дым в слезливое окно. Я вслед не брошусь,
Золотая моя давняя пора.
Золотыми пусть останутся слова: «Прощай, хороший...»,
И пусть случайный подвезет и не отпустит до утра.

Городская рыба золотая,
Ночь тебя размочит и вода.
Ночь бывает, дождь бывает, все бывает,
Но у нас с тобой не будет никогда.

1995 г.

Золотая Це-Це

Было тяжело и душно,
А наутро выпал снег.
И была ее подушка
Все еще во сне.
Где замки, полы и стенки
Вышвырнуты вон,
Где она была туземкой
Голой среди волн.

И глядела то и дело
В ласковую синь.
А его корабль белый
Был простым такси.
Замер, не захлопнув дверцу,
На чужом крыльце.
И ее во сне кусала в сердце
Золотая Це-Це.

И ресницы были – крылья
Полуночных сов.
И душа дышала пылью
Белых парусов.
А у той, другой, подушка
Со свинцом в лице.
И у ней считалась просто мушкой

Золотая Це-Це.

Через ночь вела крутая
Лестница-змея.
Тот, в ночи блудил, плутая —
Был, конечно, я.

И по мне во сне жужжала
Как о подлеце,
И туземке в сердце била жалом
Золотая Це-Це.

2000 г.

Какое красивое слово летало

Какое красивое слово летало
В бенгальском банкетном огне —
То бабочкой в пламени ярко сгорало,
То бабочкой – в шею ко мне.

И женщина в блестящем платье змеином
На кольца свиваться могла,
И губы в укор всем на свете калинам
Горели без капли тепла.

Как чудо-свеча средь табачного зала,
Где яркие люстры слепы,
Там скошенным взглядом она вырезала
Меня из галдящей толпы.

Столбы утопали в дурацких сонетах,
Но слово журчавей ручья,
В глазах ее злилось красивое это,
Запретное слово – «ни чья».

2016 г.

Карета

Жизнь моя – без блестяшек карета,
Свистопленница рвов и откосов.
Ей катить бы вдоль целого света,
Да она на квадратных колесах.

Ей прослыть из разряда двукольных —
Дал ей бог рысаков юрче молний.
Но нечистый – колес треугольных,
Чтобы в скачке казалась уморней.

Чтоб висела жестянкой на ухе,
От трехгранно-квадратного сгнув.
Но летать ей – чтоб даже на брюхе —
Небо в звездах подставило спину.

2016 г.

Катька

У соседки малолетки Катьки-Катеньки
На зашторенном окне лампочка – цветок.
Полночь звякнула, и ей – спать да спатеньки,
Но перо вдоль по бумаге скачет со всех ног.

У соседки малолетки Катьки-Катеньки
Ноги – шпаги, руки – сети и спиной дельфиньей – бровь.
Катька в юбке. И на воле. А я в ватнике.
Катька пишет письма мне про любовь.

Губы пухлые – конфетки, красно-сладкие,
Да кривятся, да еще в кровь кусаются.
В спину Катьки-малолетки слухи гадкие:
«Что нашла ты в нем, окстись! Ты ж красавица.»

У соседки малолетки Катьки-Катеньки
Глазки – слезы.
Сны – занозы.
С кляксой ручка нервная.
А мне в погонах почтальон аккуратненький
Письма носит. И читаю их не первый я.

И душа, как рыба в сетке, бьется-мается,
И глаза, как снегири по зиме – огнем.
Кудри Катьки-малолетки в сон провалятся

И запутаются в пальцы мне живьем.

У соседки малолетки Катьки-Катеньки

Пепел в прядках.

Жизнь в закладках.

Ах, мне к ней нескоро так.

И танцуют на мозгах буквы-акробатики:

Кать-кать-кать-кать-кать-кать-кать-кать...

Катька-Катенька.

1998 г.

Каштановая прядь

Милая улыбчивая женщина,
Две строки твои мне – сладкий яд.
Штемпелем-печатью не отмечены —
Только клякса – родинка твоя.

Чтобы там, где точка,
Взгляд мой как прирос —
Завитушка-росчерк,
Будто прядь волос.

Каштановая прядь накручена на ветер.
Ушла, и ничего не поменять.
Как в воздухе вопрос,
Как росчерк на портрете.
Каштановая прядь...
Каштановая прядь.

1996 г.

Кино, кино

Слабый пол – весь как зараженный микробом —
Прямо в космы повцепляется вот-вот.
Кинопробы, кинопробы, кинопробы:
Всех попробуют, но кое-кто пройдет.

«Интер-Верочка» уже есть,
И смотри, какой с нее был сбор.
Людам что, им по глазам – хлесть! —
На постелях верховой спорт.

Победила та, что полом всех слабее.
Но опять же, по параметрам сильнее.
Не синее, не бледнее, не краснее —
В общем, все надежды связанные с ней.

И сказал режиссер так:
«Обещаю битву масс у касс.
Мы поставим половой акт.
И, может, даже не один раз».

Сценарист корпит, на пуп пускает слюни,
Вяжет флирты, вояжи и куражи.
Акт давай! Тогда никто не переплюнет.
Акт давай! Да чтобы от души.

И поменьше разных там дряг —
Это так народ поймет, промеж строк.
Где сомненье – там давай акт.
А где собрание – там давай рок.

Дело сделано. Читаешь – нету мочи.
Можно ночью прямо даже без жены.
И снимать такое надо только в Сочи,
Чтобы были уже все поражены.

Дубль – раз, режиссер – ас:
«Совокупленных прошу млеть.
А, ну-ка, Маня, расчехлись и – фас!
Получается, гляди-кася, комедь».

Бабки с дедками глазеют: «Неприлично!
Совращает девка внаглую юнца.
И с лица-то, вроде, все фотогеничны,
А только что-то их снимают не с лица».

Есть у девки, что смотреть, факт.
И у парня, что смотреть, есть.
Но: «Третье действие... Шестой акт...»,
Мать честная, нешто впрямь – шесть?!

Давка, драка, ор с симптомами психоза —
На премьеру прорывается толпа.
Вот что значит точно выбранная поза,
Вот что значат эти слюни до pupa.

Первый приз. Режиссер – маг.
Возвести его тотчас в сан!
Ведь он с искусством совершил акт.
А вот дите уже родил сам.

1986 г.

Когда мне было 20 лет

А продолжения не будет.
И мы расстанемся вот-вот.
Мне осень голову остудит,
Повесив звезды в небосвод.

И ты останешься случайной,
Мне поцелуй в ладонь зажав,
На самом ветреном причале,
Где все прощаются, дрожа.

А продолженьем был бы вечер,
Где ты – моя. А не его.
Где все в руках у первой встречи,
А у последней – ничего.

Где все застыло, как на фото,
Где ночь хотела быть длинней...
Для продолжения, всего-то,
Так не хватило пары дней.

Не укорят и не оженят.
И новый шанс не упадет.
Не надо горьких продолжений —
Пусть эта капля будет – мед.

Пусть все закончится в начале
С улыбкой милой на лице.
На самом ветреном причале...
Без продолжения в конце.

Я эту девочку в фонтане искупаю.
Я на асфальте напишу ее портрет.
И что мне ночью делать с ней – я тоже знаю.
Я думал так, когда мне было 20 лет.

1995 г.

Коза

Просит, просит жизнь упрямо
Повторения
Что красива твоя мама
Повторял не я.
Мы ценили каждый случай
Вечера и дня,
Твоя мама была лучшей,
Но ты – не от меня.

Отлетав, стрела плескалась
В озере души,
Милых губ чудная алость
Нежилаась в тиши.
Картным домиком свалилась —
Так тому и быть...
Но твоей маме и не снилась
Вот такая прыть.

И когда анфас и боком
Сводишь всех с ума,
Вспоминаю ненароком
Я твою маман.
Чертит глаз как циркуль формы,
Вновь и вновь маня.
Твоя мама всех проворней,

Но ты не от меня.

Коза-козочка-коза

От весны куда же деться.

Я же – за! И ты же – за!

Забодай меня под сердце.

2012 г.

Колокольня

Уродился я один, но ты мне – двойня.
Тот же звон в башке и та же долговязь.
Ах, ты милая сестренка – колокольня,
Как чудесно, что ты тоже родилась!

Значит, будет мне не одиноко
Задиаться выше над толпой,
Как с надеждой в небо синеоко
Задирает голову слепой.

Уродился я таким и маюсь звоном.
Так давай же мы с тобою вдругорядь
Как по нотам проиграем по иконам —
А по чем же мне еще с тобой играть?

Иззвонимся вдрызг до хрипа в душах,
Знаешь ты, и я все знаю сам:
Нас с тобою первыми порушат,
Потому что – ближе к небесам.

Шаг за шагом, выше, выше —
Жизнь моя как колокольня —
Все сильнее звон, все тише голоса.

Шаг за шагом, выше, выше

И бегом уже невольно.
Вот и колокол. А дальше?
Небеса.

2002 г.

Красивая женщина

В этом сне вы чужая наложница —
Так чего ж вы привиделись мне?
В этом сне ничего и не сложится,
Кроме песни, которая тоже во сне.

Так чего ж вы душой не занаете,
И улыбка не дрогнет в лице?
Так чего ж вы губами так ловите
Отраженье мое у себя на кольце?

В этом сне истеричными скрипками
Все расскажут про нас наизусть.
В этом сне половицы со скрипами,
По которым я опять к вам крадусь.

Вы такая красивая женщина,
Вам никак не уйти от любви и от ласк.
Но судьба так ловка и изменчива,
И они на земле происходят без вас.

2000 г.

Красивоглазая

Влюблялся я немало,
Ах, не в кого попало,
Журчало время, как вода.
Рисково так и мило
Она меня любила,
Моя кудрявая беда.

Она кривлялась лужам,
Она гордилась мужем,
Но убегала до утра —
Цветок на тонкой ножке,
Осколок солнца в брошке.
И ей спасибо и – ура!

Как в брошенной монете
Мы кувыркались в лете
И выпадали в нем, звеня.
Сбегались, расходились
И снова грудью бились
С разбегу сладко об меня.

Она слагала крылья
В нутро автомобиле
И улетала, хохоча —
На нитке колокольчик,

С которым бродит ночью
Красивоглазая печаль.

Но вечера, как птицы,
Устали, видно, биться,
Попавши в сладкую петлю.
Был путаным, как бредни,
Один из них последним
Без слова тихого «люблю».

И в губы мне так липко
Впилась ее улыбка
И раскололась на печаль —
Как небо в шрамах молний,
Как в дикий берег – волны,
Как на пол рухнувший хрусталь.

Красивоглазая.
А я... А я...
Как ветер гнал живой листок,
Где ножницы ее красивых ног кромсали дни.
Красивоглазая.
А я... А я...
Я не скопил их ключья впрок.
И разметало их.
И бог ее храни.

1999 г.

Крокодил

В крокодилью оденусь кожу —
Я ни разу в такой не ходил, —
И по виду стану похожий —
Просто вылитый крокодил.

Но, по правде сказать, куртяга
Из каких бы не шита кож —
Есть какая-то к сходству тяга —
Чем-то я на него похож.

Не красавец – чего кривляться,
А зубаст – чтоб не быть в долгу.
И приходится, то кусаться,
То откусываться на бегу.

Гром петард, блеск почетных грамот,
И медальный трезвон не мил,
А чтоб – в званья? – так, выкусь, на, вот! —
Не нуждается крокодил.

Рвись, молись, беленись в запарке,
Ключ от райских не жди дверей —
Это лучше, чем в зоопарке
За стеклом посреди зверей.

А откроют ворота ада,
Призовут через дым кадил —
Мне грехов отпускать не надо —
Грешным делом я – крокодил.

Он не хватает мелочь, он по-крупному питается,
А зубы стиснет – из зубов никто не вырывается,
А плачет – никому знать не дано, что у него в груди.
И боком он не ползает, и задом он не пятится,
И клеткой или шкурой он когда-нибудь расплатится —
Раскроит на меня ее портной.
И вот я – крокодил.

2013 г.

Крошка

Сохла над диваном у нее на стене гитара.
На окне цветы, на душе цветы бредили дождем.
И глазело зеркало в диван: ах, какая пара!
Пара – ты да я, пара – ты да я.
Ты да я вдвоем.

Запускала кольца в потолок томно сигарета,
А на них верхом про любовь слова улетали прочь.
И лежали сложены мы с ней, словно два билета
На один сеанс, на большой сеанс под названием «Ночь».

И хотела допытаться дверь: долго ли пробуду?
Не останусь ли, не застряну ли в ласковых руках?
Глубоко ли в сердце положу милую причуду —
Крошку, что летать может по ночам в белых облаках.

Спотыкались тени на стене и крались до прихожей,
И шептались в крик, и молчали вслух, и сплетались
вновь.
И была поделенная ночь – не одно и то же:
Для соседей – шум, для меня – ночлег, для нее – любовь.

Крошка.

С треском сгораешь, как бабочка на фитиле.

Крошка.

Пляшет огонь. И я в крошечном греюсь тепле.

2009 г.

Кто такая

Каждый лист острием каблучка обходя,
Через зеркало лужи порхая,
Ты уходишь, и вслед то гудят, то глядят:
Кто такая ты здесь, кто такая?

Последит и отстанет последней луна,
Ветер кудри щипнет, пролетая.
Почему ты одна? Почему ты одна?
Кто такая ты здесь, кто такая?

Потерзают и бросятся мысли бежать,
И слова – побрякушками в уши.
Я вчера ее на ночь хотел удержать.
Был не лучше других. Но – не хуже.

А сегодня могу посчитать по всему
На дороге случайной прохожей,
Что раздеть догола не дано никому.
Если только сама не поможет.

1994 г.

Листок

Ну вот и всё. Хандрой отмаялась листва.
Ее метла пинками мечет в кучи.
Но, глянь, один листочек злополучный
Еще не брошен ветру в жернова.

Не постарел еще? А может, страшно – вниз?
И оттого трясет, как в лихорадке?
В кору вогнав по щиколотку пятки,
В последний раз – его эквилибрис.

Попридержись, циркач осенний, не сорвись,
Дождись, когда арена станет белой.
Я, как и ты, мечусь осатанелый
И без конца заглядываю в высь.

Когда же снег? Когда пожухлые цвета
Накроет залп снегов, и с них – довольно?
Тогда, пожалуй, можно добровольно
Слететь замерзшей бабочкой с куста.

Чтоб кувырком, как шут, барахтаясь-крутясь,
В её окно ударить и с досадой
Вдруг заорать: неужто вы не рады,
Что выпал снег, что я не втопан в грязь!

Что я лечу, что я покуда не упал —
Ведь, завтра мне до окон не подняться —
Седая хмарь меня запишет в святцы,
Освищет ветер мой осенний бал.

И понесет меня с карниза на карниз,
И будет бить о каменные стены,
Крича мне: ты – простой, обыкновенный,
Бессовестно прорезавшийся лист!

Ложись же в снег, циркач бульварный, дворовой,
Не доводи старуху до падучей! —
Листва давно послушно сбилась в кучи,
Попряталась, укрылась с головой.

Довольно с них. Пускай судачит воронье.
Давай, листок, в стекло к ней постучимся.
Минуту, две... Простимся и умчимся,
Разбросанные, каждый за свое.

А после нас замрут ледяшками слова,
Что нынче – снег. Что вовсе нам не грустно.
Решим на том, что в этом доме – пусто.
Все сожжено до углей, как дрова.

Ну вот и всё. Хандрой отмаялась листва.

1986 г.

Локон её волос

Она несла себя легко,
Как белый парус по толпе.
Толпа сворачивала головы ей вслед.
Но ни о чем и ни о ком в губах ее висел напев,
И разминуться было б нам – так нет.

Все было так. Все было здесь.
Так романтично и давно.
Все как под музыку из глупых оперетт.
И про меня, и про нее – все оборвалось, как кино.
Нам посмотреть его хоть раз еще... Но нет.

Глаза промчались мимо глаз,
Хоть – не слепой. И – не слепа.
Нырнули горькие духи в дым сигарет.
И разошлись. И нипочем не догадается толпа,
Чьей эта женщина была. И – нет.

Локон ее волос ласковой белой змеей
Мне угодил на плечо.
Локон ее волос только задел,
Но до сих пор горячо.

Луали

Столица напялила темный колпак
И сбросила pret-a-porter.
Я пью, и меня развлекает толпа
Туземного варьете.

И гнется всех лучше красивая та
С коралловой дальней земли,
И мне говорит языком живота,
Что имя ее – Луали.

И видится в танце мне предок ее,
Не знавший ни букв, ни икон —
Он держит сегодня в руках не копьё,
А сотовый телефон.

И если я в гости приеду к нему,
Не бросит меня на угли.
Про это танцует на сцене в дыму
Красавица Луали.

Ей белые снега покажутся – бред.
И копиями с крыши – вода.
И ей не понять, как в России поэт
Не может щадить живота.

Не может ни сползать на нем, ни сплясать,
Ни даже сменять на рубли.
Лишь только в дуэлях его искромсать
За русскую Луали.

2003 г.

Лучший друг

Наша жизнь – река, в ней мы не всегда
По течению плывем.
Часто в ней бурлит мутная вода,
И не видно солнца днем.

Провожаем вдаль перелетных птиц
И встречаем их вновь,
Где назло волнам среди сотен лиц
Машет с берега любовь.

Если захотим, сможем доказать,
Что пройдем весь путь опять,
Но у той реки нет пути назад —
Реки не бегут вспять.

Лучший друг, помнишь вдалеке
Плыли мы одни по той реке.
Лучший друг, бьет река ключом,
Лучшее весло – мне твое плечо.

2014 г.

Любимая моя

То сорвусь к земле, то парю
Как в сюжетах из пришлых снов.
Про любовь тебе говорю,
А хватило бы двух слов.

Оторвать не могу глаз,
И кружится от них голова.
Говорю в сотый раз про нас,
А слово-то нужно всего два.

Про разлуку ни слова, чур —
Это давняя наша боль.
Я с тобой говорить хочу
Про любовь. Про любовь.

А выходит почти роман,
Почитаешь – захватит дух.
А рассыплется слов туман —
Так хватило бы только двух.

И останется тихой ночь,
Чтобы утро вдвоем начать,
А слова ни к чему, их – прочь! —
Про любовь лучше им молчать.

Тишина моя, тишина,
Как я много сказать хотел.
Только буква одна нужна —
Ласкогубая буква «л».

Любимая... Любимая моя.

2012 г.

Люблю сейчас

Ты помнишь, сорила осень
Золотом по углам?
И было нам двадцать восемь
Ровно напополам.

Ты ласково говорила:
«Всему настает пора».
И эхо тех слов парило
По уголкам двора.

Я это золото мешал к вину
И выпивал его зараз.
А еще я так любил тебя одну.
А впрочем, все еще люблю сейчас.

Ты мне говорила грустно,
Но били слова, как кнут,
Что все золотые чувства
Когда-нибудь опадут.

Я думал совсем иначе.
И мир – золотой богач,
И осень – что нет богаче —
Дождями пускались в плачь.

Я в этом золоте топил луну
На дне твоих печальных глаз.
А еще я так любил тебя одну.
А впрочем, все еще люблю сейчас.

Но что-то сменилось в выси —
На север умчался юг —
И все золотые кисти
Ненужными стали вдруг.

И сор золотой облезлый
Слетел под веселый свист.
А девочка та исчезла,
Как с ветки кленовый лист.

Я в этом золоте купал струну
И выставлялся напоказ.
А еще я так любил тебя одну.
А впрочем, все еще люблю сейчас.

2007 г.

Мариночка

Учились мы с Мариночкой, когда при слове «рок»
Со страху залезали под кровати.
Ей школа образцовая открыла сто дорог
И выгнала ее за вырез в платье.

Кричал директор что-то о бедламе
И, тыча зло в Мариночкину грудь,
Публично оскорблял ее «битлами»,
А под конец вдогонку крикнул: «Блудь!»

Тогда словцо «эротика» считалось матерком,
А первый бард считался отщепенцем.
Катилась жизнь веселая на лозунгах верхом
И бряцала по бубнам да бубенцам.

Храня тебя, Марина, от разврата,
И миллион таких еще Марин,
Упорно не хотел кинотеатр
Показывать раздетую Марлин.

Ты нам тогда, Мариночка, мерещилась во сне —
Совсем как из нерусского журнала,
Где не регламентированы юбки по длине —
Как ты была права, что бунтовала!

Коль целый хор лысеющих мужчин
Кричал: «Длинней подол и круче ворот!..»
И миллион таких еще Марин
Ему назло с ума сводили город.

Бежали мы, Мариночка, на выставки картин
В аллеи, где художник чист и беден,
Где не сумеет высокопоставленный кретин
Угробить скрипку глупым ором меди.

Там на маэстро клифт с потертой фалдой,
Но сколько ты ему ни заплати,
Не нарисует женщину с кувалдой
На стыках паровозного пути.

Ты выросла. Все вынесла. А мой гитарный бой
Сыграл поминки дикостям запретов.
Мариночка, как нужен был твой с вырезом покрой
Для первых бунтовщических куплетов.

Прости меня теперь великодушно —
Я ни один тебе не подарил, —
Хотя б за то, что самой непослушной
Была среди бунтующих Марин.

1986 г.

Маэстро

Посвящается А. Я. Якулову

Я дома у Маэстро
Пью чай и дую сгоряча.
И рухну ниц на кресло,
Когда смычок сорвется от плеча.
И скрипка, за три века
Не раскричавшая души,
Луне поднимет веко
И тишину растормошит.

Я дома у Маэстро
Из трубки пробую табак.
Молчит, не скрипнет кресло,
И кольца дыма вязнут на губах.
Смычок все чаще, чаще,
То плача, то смеясь, то злясь...
Маэстро – настоящий.
И настоящий князь.

Я дома у Маэстро
Гоняю водку над столом.
Я с ним, как в ходе крестном,
За скрипкой этой лезу напролом.
Склоняюсь над гитарой,

Смычком его крещен.
Маэстро ведь не старый,
Мы проживем еще!

Я в полночь по столице
Уйду, сжимая воротник,
Чтоб в тишину ввалиться,
Как в бухту после шторма бриг.
Простимся на улыбках,
Он в гости снова позовет.
И горько мне, что скрипка
Его переживет.

1998 г.

Милосердная сестра

Милосердная сестра,
Излечи нас, иже спятым.
Словом Веры и Добра
Поднеси нам крест с распятием.

Дай нам Слово. Слово – бог.
У казенной койки нашей
Не заглушит стук сапог
Тихой поступи монашьей.

Да отвадит боль от ран
Жест послушницы всесильной,
Чья душа – уже есть Храм,
Лучший Храм на всей России.

И раскаянья искра,
Может, вспыхнет в нас, как пламя.
Милосердная сестра,
Дай нам Веру. Веруй с нами.

1989 г.

Мираж

За этой девочкой скакать хотело лето,
Рвать удила.
Плясали волны в сто рядов кордебалета
Там, где плыла.

А в небе жило любопытно и бескрыло
Облако-зверь.
И самым сладким золотым крючком водило
Следом за ней.

И был над всем еще волшебный ношно-денный
Слепой удав,
Что нас так с этой летней девочкой сплетенно
Душил тогда.

Как тень ходил-бродил,
Ловил ночной кураж, —
Из нас из двух – один —
С той девочкой мираж.

2016 г.

Мне в детстве так хотелось папирос

Мне в детстве так хотелось папирос,
Но за прилавком злая тетя Зина
Упорно говорила: «Не дорос!» —
И прочь гоняла нас из магазина.

Нам было запаadlo поднять бычок,
А своровать – недоставало духа.
Нас выручал один фронтовичок,
Подслеповатый и тугой на уxo.

Он нам давал, бывало, не одну,
И так волшебнo звякали медали,
Что нам хотелось завтра на войну,
Хоть мы в глаза войны-то не видали.

А поиграть в нее, задрав портки,
Не позволяла школьная опека.
И мы клевали у него с руки
За гильзой гильзу горького «Казбека».

Так время шло, сжигая каждый час,
Семнадцать лет настало под гитары.
Он почему-то помнил только нас,
Хоть мы свои носили портсигары.

Он закурить нам больше не давал
И потемну в гитарном горлохвате
Ни поперек, ни в тон не подпевал —
Сидел курил, как будто на подхвате.

Скумекать было нам не по уму,
Спросить бы раз – не надо дважды в реку —
Чего ж так горько курится ему,
Что поделиться хочется «Казбеком»?

В руках его наколочная синь
Нас ни теперь, ни в детстве не пугала.
Нам ничего не стоило спросить.
Но он молчал. А время убегало.

И как-то раз растяпа почтальон
Случайно синий ящик перепутал,
И все, что должен получить был он,
Попало в руки запросто кому-то.

Потом еще кому-то. И еще.
Казенный бланк и текст без кривотолка,
Что он не враг, что он уже прощен —
К тому печать, синее, чем наколка.

Потом попало наконец к нему —
Клочком, как этикетка от товара.
Он кашлял в упоительном дыму,
Скрутив в нее табак из портсигара.

Похрустывали пальцы на руке
Вдали от нашей ветреной ватаги.
Есть прелесть, несомненно, в табаке.
Но больше, видно, все-таки в бумаге.

1997 г.

Монашенка

Постригалась тихо, без апломба,
Без благословения в миру.
С корочками вузова диплома
Из полнометражки – в конуру.

– Монастырский хлеб, опомнись, пресен!..
– Чур! Сутана – вечно! – не фата...
Постригалась натрезво. Без песен.
Грешная все это суета.

Скорбное, без лейбл, сукно сутаны
Терто пересудами до дыр.
Приведись удариться в путаны —
Словом не обмолвился бы мир.

Ксения, послушница теперь уж,
Грех земной поклонами отвесь.
Поступай, как знаешь, если веришь —
Впрочем, смысл жизни в том и есть.

Бог тебе, монашенка, указка,
С легкой, значит, все Его руки.
Мы – другие, мы не верим в сказки —
Гордые без веры дураки.

Мы дерзаем, бьемся и воюем
Что-то в этом мире изменить:
То в огонь свечи истошно дуем,
То истошно силится звонить.

С левого колена да на право —
Нам не до камней монастыря!
От роду безбожная орава.
В теменище. Без поводыря.

Ксения... Послушница всего лишь.
Безфамильна – имя в мире – тлен.
Может, часть и нашего отмолишь?
Если так, дай Бог тебе колен.

1986 г.

Монета

Брошу, брошу я монету —
Вдруг да выпадет «орел», —
Полетаю с ним по свету,
Где ногами не добрел.

Полетаю, полетаю,
Ворочуся из степей
И, конечно, напугаю
Ваших белых голубей.

Если выпадет мне «решка» —
Я не стану вешать нос.
Сяду я в тюрьму, конечно —
Понарошку, не всерьез.

Поворчу и поругаю —
Мол, судьбина – хоть убей!
И, конечно, напугаю
Ваших белых голубей.

Брошу, брошу я монету,
Будто по ветру перо.
Ну, а вдруг монета эта
Да и встанет на ребро?

Значит, будет жизнь другая,
Без полетов и скорбей,
Значит, я не распугаю
Ваших белых голубей.

Я вчера монету бросил
Из открытого окна
И заждался на вопросе:
Чем вернется мне она?

Из небес она мигает:
Мол, терпения испей.
И летает, и пугает
Ваших белых голубей.

Белых-белых, слава богу,
Что никто не изловил,
Что живут через дорогу
От любви.

2007 г.

Мы с тобой увидимся не скоро

Мы с тобой увидимся не скоро.
Может так случится – никогда.
Дни твои бегут, дай бог им, в гору,
А мои – под гору, вот беда.

Прожит день – он крестиком на стенке.
Час еще – прогулка во дворе.
Я живу, где все вокруг – оттенки.
Ты – в большом цветном календаре.

Все мое богатство – папиросы.
Все мое имущество – тетрадь.
И допросы, долгие допросы.
Я б соврал, да нечего соврать.

И так жаль, что мне уже не 20.
Если б так – от счастья бы завыл.
Я умел, ты помнишь, улыбаться,
А теперь, вот, начисто забыл.

От того и маюсь, видно, лишку,
То ругаясь грубо, то грозя.
Я одной тебе скажу, малышка:
Я б поплакал, да ведь тут нельзя.

Где ты, поезд, пролетевший мимо —
По холодным рельсам не догнать?
Я не называл тебя любимой,
А теперь, вот, начал называть.

И когда за полночь мне не спится,
И мечтаю, ручку теребя,
Сотни строк, как бешеные спицы,
Водят хоровод вокруг тебя.

На душе свербит сверчок запечный —
Зря бедняга силится заснуть.
И к тебе отсюда только Млечный,
Самый долгий и неясный путь.

1984 г.

На балконе сходка птиц

На балконе сходка птиц
В предрассветном хоре.
Вам на кончики ресниц
Придыхает море.

Вас изжалила молва —
Разоренный улей, —
Вы пришли глотнуть тепла
И, глотнув, уснули.

И, сооротив губы в клюв
Азиатской птицей,
Вы сказали вдруг: люблю,
Не сказав, кто снится.

Слово – бабочка в огне,
Полыхнуло, хрустнув.
Я подумал: это мне
Вы шепнули с чувством.

Я припомнил: этот звук
Я давно смешинкой
Милой девочке из рук
Выдувал пушинкой.

А она – седины мне,
Чтоб быть жизни длинной,
Чтобы я ее во сне
Называл любимой.

2005 г.

На Восточной улице

На Восточной улице
На карнизах узких
Сизари красуются
В темно-серых блузках.

Тень ложится под ноги,
Я шагаю дальше,
Где клаксоны-окрики
Горло рвут до фальши.

Не спешу, как было, я
Два квартала выше,
Где такие милые
Три окна под крышей,

Где ронять мне выпало
Вздых обиды тяжкий,
Там сирень рассыпала
Белые кудряшки.

А еще два тополя
В побрякушках лунных
Мне листвой так хлопали
За лихие струны!

И в лады потертые
Вдавленное слово
Ветер мне развертывал
В переборы снова.

В песни да припевочки,
Словно ленты в косы,
Темноглазой девочке
Золотоволосой.

Буйствовал, досадовал,
Тенью – мимо окон,
Да к щеке прикладывал
Непослушный локон.

Лет-то сколько минуло:
Посчитать – потеха! —
Вроде как сединами
Потрясти приехал.

Да разве все упомнится —
Не прочтешь, как книжку:
Память – девка-скромница,
Слов у ней не лишку.

А быть может, блудница
Изменила напрочь?
Посредине улицы,
Оступившись – навзничь.

1984 z.

На могиле А. Я. Якулова

Друг мой старый,
Друг великий,
Вот и встретились
Как в старь.
Твой стакан опять
Не выпит,
И читаю
Как тропарь:

«Дом твой нынче
Не могила —
Не могила, а тюрьма.
Выходи, давай,
Друг милый,
Выпьем водочки.
Эх, ма!..»

2008 г.

На палубе горланят в караоке

На палубе горланят в караоке
Куплеты, от которых – лезть в петлю.
Но терпит ночь. И океан глубокий,
И я, на удивление, терплю.

Так ветрено в душе. И парус белый,
Как платье на красавице, трещит.
Она вино вбирает неумело,
И взгляд её, как камень из пращи.

Циклоп большой, светящийся на глади —
Корабль под зуботычинами волн,
Сосватает нас с нею, на ночь глядя,
Под корабельных склянок перезвон.

И братия, галдящая у стоек,
Нарядна, показушна и хмельна,
Сойдётся в мненьи: дамочка-то стоит,
Испить её и залпом, и до дна.

А я, ныряя в синих глаз глубины,
Рассказ нехитрый слышу наперед,
Что дома её встретит нелюбимый,
Что он не тот. А я, конечно – тот.

И в небе, сплошь утыканном свечами,
Задувши только грешную свою,
Я как корабль прозябший на причале
Ей мачтами скрипучими спою.

О том, что мы в толпе так одиноки,
Что в жизни все подобны кораблю...
А палуба сгорланит в караоке
Куплеты, от которых – лезть в петлю.

1999 г.

На прощанье

Допьемте – и бывайте.
А время след залижет,
И всё – о вас.
Дворовый обыватель
По сплетням из Парижа
Вам долг воздаст.

Докурим, и пора бы
Вам к имени приставить
«Мэм», «фрау», «мисс» или «госпожа».
Я верю: в оперении тетерки
Вы мне не повстречаетесь в Нью-Йорке.
Ни сумочной. Ни сумрачной.
Ни судорожно дрожа.

Сподобимся в альбомы
На желтые листочки
Скорбеть душой.
Где старые любви,
Я вам оставлю строчки
Как друг большой.

И обещаю точно
На памятную дату
Вам, «фрау», «мисс» или «госпоже»,

Чтоб вы вконец Россию не забыли,
Послать вам башмаки с российской пылью.
Вам, лапотной. Вам, лаковой.
Вам, лайковой уже.

А цветы с названьем глупым «флоксы»
На балконе вашем, тут как тут,
Полночью подвыпившие хлопцы
Барышням в букеты оборвут.

1990 г.

Надо ж, встретились

Надо ж, встретились – не во сне, ведь! —
Вечер, мистикой не угробь:
И кафе было – «Черный лебедь»,
И в бокалах – «Медвежья кровь».

И в нагретом дыму перченом,
От которого спас – слеза,
Хохотали мы оба в черном,
Запуская глаза в глаза.

Две больших долговязых птицы —
Грудь – о грудь, чтобы клюв – о клюв,
Продолжали так хитро биться,
Чтоб не выронил клюв: «Люблю».

А потом была ночь темнющей,
И какие-то в ней «пески»,
Пальцы в пальцы вплетались плющом,
И луна – помереть с тоски.

И такси своим желтым гребнем
Разрезало, как скальпель, ночь
Там, где птицы прощались с небом,
Как в каком-то кино, точь-в-точь.

И на стрелках давно не девять.
И душа отбивала дробь.
И одна была – «черный лебедь»,
А другая – «медвежья кровь».

2000 г.

Напиши

Будь же умницей, не пиши
Слов надушенных, а в конверт
Положи мне чуть-чуть души,
А тирады потом – поверх.

Оближи, обласкай крыло
И заклей мне в конверте вдох.
Завтра штемпель пробьет число,
И помчит оно со всех ног.

О любви ни полстрочки, чур —
Это давняя наша хворь.
Я к тебе без конца скачу,
Да не свижусь никак с тобой.

А под утро коня – в расход!
Пешим драпом бреду в глуши.
Это редко – два раза в год.
Будь же умницей, напиши.

Собери, коль черкнуть решишь,
Перекрестков несносный шум.
Все, что хочешь. Но только тишь
Не клади между строк, прошу.

Изомни, изогни клочок,
Раскромсай его в конфетти.
Я б по букве его прочел.
Привези его мне. В горсти.

1988 г.

Натурщица любви

Нарисован акварелями портрет:
Взгляд красивый, взгляд печальный, взгляд упрямый, —
А натурщицы уже простыл и след —
Убежала. А куда бежать из рамы?

Нарисован, как теперь не прекословь,
Чудо-кисти по холсту скользили бойко,
И казалось, что рисую я любовь,
А она была натурщицей и только.

Натурщица любви.
Я был плохой художник —
Ты сходства на портрете не лови.
Я молод был, спешлив,
Я был большой безбожник.
А ты – натурщица любви.

Нарисован. Чист, прозрачен, как стекло,
А в губах мой поцелуй еще не выстыл.
Как мне было хорошо. И как везло —
Сладко, ветрено и коротко как выстрел.

В листьях клена раскаленных докрасна
Без огня и дыма выгорело лето.
Рисовал любовь – и вот же, вот она —

Встрепенется и слетит ко мне с портрета.

2013 г.

Не Джоконда

В напыщенном бомонде, где люди – пузыри
И табели о рангах – как «Отче наш»,
Где места нет Джоконде – художник, посмотри,
Не надобна ни кисть, ни карандаш.

А дым – он как кулиса: то нет, то есть.
Поднимется – и тоже упасть спешит.
Она – хоть не актриса – но тоже здесь.
Оставь бокал, художник, бери, пиши.

Прольется свет. Но вместо огня – как душ.
И к ней гуляка тоже пойдет, польстит.
А купленный оркестр сыграет туш.
Ах, что же ты, художник, не упусти!

Здесь с нее не напишет никто —
У нее не манто, а пальто.
У нее как от ветра кудряшки,
И на пальцах смешные стекляшки.
И поэтому с ней два седых дурака —
Свысока.

1997 г.

Не пиши мне в Порт-Артур

Не пиши мне в Порт-Артур —
Нету адреса.
Пуля – дура. Но из дур —
Мне досталась.

Прямо в сердце с высоты
Бойной силою
Наотмашь. А в сердце – ты,
Моя милая.

Не пиши мне в Порт-Артур
С каждым случаем —
Не дойдет мне в темноту
Светлым лучиком.

А ударит залпом в тыл
И сердце по клочкам
Разметет. А в сердце ты,
Моя ласточка.

Не пиши мне в Порт-Артур —
Нету адреса.
Пуля – дура. Но из дур —
Мне досталась.

Сердце цапнет, и – кранты,
И не встать с ничка
По весне. А в сердце – ты,
Птичка, птичечка.

Бескозырочки как блюда
На заоблачном пруду.
Ленты черные так вьются
Ай, на малом, на ходу.

Ай, на малом, самом малом,
По воде крапленой алым.
Да – под серую плиту.

2010 г.

Не узнаю

Расставались ненадолго
Без печали и труда,
Оказалось, как осколки —
Навсегда.

Возвратились в светлой вере,
Как в окно вчерашний луч,
А у двери, а у двери
Новый ключ.

Вспоминали все – так проще.
Ночь настанет, и – найдем.
Что было тыща первой ночью,
Стало – днем.

Было пламя, да сбежало —
Не от ветра и воды, —
И от нашего пожара —
Только дым.

Я уже не узнаю по короткой юбке
Лучшую мою, прежнюю мою, первую мою.
И по майской воркотне голубя голубке,
Вышло, что себя в этих голубях я не узнаю.

2010 z.

Нечаянная милая

Ты моя нечаянная милая —
Жизнь тобой вернула мне должок, —
Не сирень, не хмарь в душе жасминная,
А на сердце ласковый ожог.

Что толпа? Она дика и мелочна,
Ей плевать, и ей не до того,
Как целует ласковая девочка
Лучшего случайного его.

Хрупкая, отчаянная, беглая,
Цепких рук накинувши петлю.
И влезаю через губы в пекло я —
Эй, откройте, я ее люблю!

2011 г.

Нина, Ниночка, Нинель

У учительницы младших классов Нины
Ногти в лаке и напудрен нос рябой.
Ей сегодня не смотрины – именины,
И детишки поздравляют всей гурьбой.
У учительницы младших классов Нины
Поздно за полночь погашена свеча,
И отмерен ей зарплаты рубль длинный:
На помаду, на конфеты и на чай.

У учительницы младших классов Нины
Под ресницами тепло и бирюза,
А в эту ночь её глаза – аквамарины,
От которых отрывается слеза.
И купаются в ней лебедями двойки,
И квадраты превращаются в круги.
А потом она дотянется до койки
И забудет про зарплаты и долги.

У учительницы младших классов Нины
Все – от ласточки до певчего сверчка.
И доска за ней черней, чем гуталины,
Пишет: «С днем рожденья, Ниночка!»
И когда к груди притянет все букеты,
И расставит в банки все до одного,
И вдруг захочется давиться сигаретой —

Не хватает только от него.

Ах, Нина, Ниночка, Нинель...
Страна направит и заплатит.
Есть три пути: один на паперть,
Другой – на сирую панель.
А третий, Ниночка, Нинель?
Душа кричит истошно: «Хватит!»
Но дети празднуют капель...
Ах, Нина, Ниночка, Нинель.

1999 г.

О женском атлетизме

Не тронь гантели, Клара —
Тебе еще рожать! —
Не надо этим марам
В журналах подражать.
Ты, видимо, забыла,
Что «торс» – не значит «бюст»,
И что избыток силы —
Не есть избыток чувств.

Не надо, Клар, железа
И в три обхвата грудь —
К тебе и так не лезут,
Ты это не забудь,
Что в Древнем Риме бабы,
Хоть с гирей не дружны,
Хоть телом были слабы,
Зато в любви нужны.

А ты забыла это
И превращаешь дом
В отвалы вторчермета,
В сплошной металлолом,
Пуляешь эти ядра,
Метаешь молота —
Ах, Клара, нам не надо

Такая красота!

Соседских-то лелеют
И холят мужики,
И все меня жалеют —
Мне это не с руки.
И сравнивают хмуро,
Чуть только подопьют,
Мою с твоей фигурой —
Того гляди, побьют.

А взять твои подруги —
Таким не крикнешь: «Цыц!»
Надень на них подпруги —
Ну, чисто – жеребцы!
Они-то не за мужем,
Им, по всему видать,
Мужик не больно нужен —
Им с гирей благодать.

Меня же балерины,
Неровен час, прельстят —
Хожу, как на смотрины,
Один в Большой театр.
Там насмотрюсь – убиться. —
А как приду домой,
Пощупаю твой бицепс —
И весь как неживой.

Ну, что ты за подруга?
Ну, что за красота?
Тебе быстрее кольчуга
Подходит, чем фата.
Чугунная булава
И прочий инструмент.
Ах, Клара, моя Клава,
Прости за комплимент.

Во сне и то нет сладу,
Кидает в дрожь и пот:
Ко мне, как к спорснаряду,
Любимая идет.
В одиннадцать подходов
Берет меня на грудь...
Не дайте стать уродом,
Спасите, кто-нибудь!

1986 г.

Одиночество

Все равно этот час настанет,
Мы простимся с тобой и, вот, —
Даже парой одной не стали,
Просто даже – наоборот.

Попрощаемся и уедем —
Мало ль разных на свете стран, —
Будем жить с тобой как соседи,
Но уже через океан.

В журавлином большом полете,
В белых крыльях укором – весть:
То, чего на земле не найдете,
В синем небе не значит – есть.

Что искали в заморской дали,
Что уверили в облаках,
Так и знайте: вчера держали
Так привычно в своих руках.

Летит по небу белым-белым журавлем
Живое одиночество
И кличет: родину за все благодари
И небо возвеличь.
Что все мы встали на крыло и улетим,

А улетать не хочется.

И потому так грустен этот клич.

2011 г.

Одна-единственная ночь

Пароход в закате белый-белый
Резал тишину гудком,
А у борта в синей плес глядела
Девушка с цветком.
В трех шагах стоял я и украдкой —
Хоть одним глазком взглянуть, —
Как ей ветер гладит-треплет прядки
И ласкает грудь.

И цветок в крутом каком-то галсе
Ветер вырвал и – ко дну.
Я, конечно, в смех и врал, и клялся,
Что за ним нырну.
Был цветок собой красивых краше
И к наряду был весьма,
А она сказала: был не ваш он,
Я бросила сама.

В омуте бездонном и бездумном,
Тот, что тишиной кричит,
Мне она плясала, вторя струнам,
Пламенем свечи.
И вязали шею руки-змеи,
И как молот било в грудь
Маленькое сердце милой феи,

Пробивая путь.

Ни пепел-мел, ни копоть-сажа,
Ни тихих омутов вода
Уже, конечно, не расскажут,
Что было с ней и мной тогда.
Ни губы – в кровь, ни мысли – в ключья, —
Ни запалить, ни истолочь, —
Что между нами было ночью
В одну-единственную ночь.

2011 г.

Одни

Она была белой
И будто голубка
В мое ворковала плечо.
Божественно-смело
И ангельски-глупо,
И адски, при всем, горячо.

И рвал зло я цепи,
Что крылья спластали,
Замужество ей отменив.
И гром был как лепет,
И мы с ней летали
Одни.

Но в небе ночном
Голубям нет покоя,
Как нет и цветам оберег.
Летать перед сном —
Что это такое,
В ночной неполетной поре?

И сон был не нужен,
И будто не сжалась,
Рассвет к расставанью звонил.
И в небе, как в луже,

Мы с ней отражались
Одни.

Как нервные крылья
Ресницы взлетали
И хлопали в сладком тепле.
Вот небо закрыли,
Но в небе едва ли
Есть то, что живет на земле.

Лететь да и – прочь бы! —
Но крылья цеплялись,
Как будто не птицы они.
И к завтрашней ночи
Остаться боялись
Одни.

2012 г.

Окурок

Как папиросы в тесном портсигаре
Хранила жизнь спрессованные дни.
Нет, я не жил, я жизнь играл в ударе,
И сами жглись как папиросочки они.

Кричал скворец сильней звонка трамвая,
Стелился пух, белей любых перин,
И вслед за ней друг-ветер завывая,
Курил со мной, пуская дым в аквамарин.

А след ее простыл за синим долом,
Но в чем беда? – лишь портсигар открыть —
В нем папиросы-дни и он их полон.
Мне так хотелось все их разом раскурить.

Окурок, мой дружок,
Забавы миг пустяшный,
Вот полетишь в снежок
И зашипишь как змей.

Окурок, мой дружок,
Был дым другим вчерашний,
Что губы мне обжег
И полетел за ней.

2013 z.

Он у храма

Он у храма с помятой кружкой,
Сам помятый, как спьяну – блаж.
Был когда-то лихим пьянчужкой,
А теперь на пыли алкаш.

Собирает на кружку звяки
Всуе выброшенных монет
Под хихики и осмеяки —
Да другого исхода нет.

Без иллюзий уже и наитий,
И душевной уже тиши:
«Вот я здесь. Ну, а вы от политик
Не такие же алкаши?»

Вам кидают казной чеканны
В кружки веры монеты те ж.
Мне как клочья небесной манны,
Вам – гордынь бесконечных меж».

И слезятся из храма лики:
Все мы с кружками топчем свет.
Все мы нищи, горды и дики.
Только с разнищами монет.

2016 z.

Она была – ласточка-фея

Она была – ласточка-фея,
Красивая белая птица.
Но вышло в трехглавого змея
Ей так безмятежно влюбиться.

Трехглавый – конечно же, я был.
Одна голова – крокодилья.
Вторая – из мудрых – (змея, бы!)
А третья – с разбойничьей былью.

Стихи пишет первая морда,
За пояс другие упряча,
Споет, прочитает их гордо,
И две остальные – заплачут.

А птица из пуха и слуха
Их хвалит, и тянется клювом —
Красивая телом и духом,
И рвется: «Я тоже спою вам!

Я знаю, поэтому смею,
Хочу в его сердце забиться.
Как белая выюга. Как фея.
Из неба стихов его – птица».

2016 z.

Она жила в плену

Она жила в плену
Скрипичных нот и грамот
И вся скрипичных форм была собой.
И на нее одну
Я был нацелен прямо,
И скрипке предлагал гитарный бой.

Был мир ее сваян
Из снов и репетиций,
И в час, когда шагала впереди,
Я был совсем не я,
И первых встречных лица,
Казалось, мне кричат: – Не подходи!

Но скрипке никогда
Не выйти замуж молча —
Оркестр должен вслед пролить слезу,
И нервных нот орда,
Что прежних не затопчет,
Должна звучать как ни в одном глазу.

Но кто её любил,
И с кем она плутала,
Знать не дано ни деке, ни груди.
И я в гитару бил,

Но боя было мало.

А лучший друг кричал: – Не подходи!..

2013 г.

Она – не моя

Бокал все полней и полней,
А в стенке бокала я с ней отражаюсь. Я с ней.
Она – не моя.
Она убежала от мужа. Ушла, уползла, как змея.

Она положила себя,
Как битую карту, рубашкой помеченной вниз.
Она – не моя.
И ночь для нее на сегодня не больше, чем просто каприз.

Про завтра не хочется знать.
Ей хочется сладкого – надо в него поиграть.
Она – не моя.
Ей надо вернуться назавтра, не зная, не помня, кто я.

А я не хочу потерять
И взять насовсем я ее не могу, не хочу.
Она – не моя.
А все-таки виснет рука и плывет у нее по плечу.

Громко и неслаженно
Оркестрик про любовь проголосит.
Зачем она со мной – неважно.
Зачем я с ней – поди, спроси.

1995 z.

Она принеслась

Она принеслась. И была для любви без конца мне —
Как белая птица, как облако, павшее ниц.
И я называл её в смех длинноногою цаплей,
Как самой красивой из всех раскрасивленных птиц.

С ней было легко, и в губах – удивительно сладко.
В гостиничной тьме был шальной упоительный дом.
И все, что на свете доселе считалось повадкой,
Мы с ней превращали в манеры в постели потом.

Она была – крик. Я в ответ был и кнут и рычанье.
И билась она, разрывая мне крыльями грудь,
Чтоб в этой груди не оставить ни капли печали.
И это был к сердцу единственно правильный путь.

2014 г.

Осеннее

Когда от ветра станут тусклыми
Прически кленов и рябин,
Моргает день глазами грустными
В немом предчувствии седин.

Таранит слух природы жалоба,
И дрожь отчаявшись унять,
У неба просит только малого:
На иней золото сменять.

Листва заблудшая слоняется
И превращается в дымы,
Что в три погибели склоняются
Перед могуществом зимы.

Затишья хрупкие, непрочные,
Ждут ливень, майскую грозу.
Но давят трубы водосточные
Скупую мелкую слезу.

В глазах под бойкими ресницами
Ещё июльское тепло.
Но миг – и эти искры птицами
На юг далекий повлекло.

Но миг – и все вокруг изменится,
Как на пол рухнувший хрусталь —
Улыбка-блик, событий пленница,
Сверкнув, расколется в печаль.

И дни вчерашние колосьями
Пойдут рассудку в жернова.
И лето, вдруг проснувшись осенью,
Сгорит до углей, как дрова.

1984 г.

Осень

Оставляю в бушующем лете
Я тебя навсегда. Навсегда.
Как в сгоревшей дотла сигарете,
От огня не оставив следа.

Но в казенных гостиничных шторах
Уцепилась и прячется лень.
В них расплачется осень так скоро
На стекле. На стекле.

Как усталыми звездами шают
Отслужившие службу слова,
Их, конечно, сотрет и смешает,
Если выудит, злая молва.

Отзвенит и ударится оземь
Шепелявое слово «прощай»,
И расплачется желтая осень
На груди у плаща.

Оставляю в бушующем лете
Я тебя навсегда. Навсегда.
Как в сгоревшей дотла сигарете,
От огня не оставив следа.

И всезнающий ветер хваленый
Не собьется к зиме на пути,
И любовь, как горящие клены,
На душе облетит.

А в глазах, как в море синем,
Солнце на плаву.
Бьется на плаву и слепит.
Листья календарные пустые рву
Под несносный городской лепет.

1999 г.

Осколки

Все было – правда. Но давно.
Хоть память все перевирает.
Я был – открытое окно,
В котором музыка играет.

Я надрывался без труда,
Я замолкал, что было силы,
Я хлопал ставнями, когда
Она под ними проходила.

И было грустно и светло.
И день стрелял в нее закатом.
Она царапала стекло
И уплывала южным скатом.

Я зажигал вдогонку свет,
Я вслед тянулся хваткой шторой.
Играла музыка ей вслед,
Нельзя влюбиться без которой.

Хрустело – вдребезги стекло,
Летели с ветром рамы – в клочья,
Но ей молчалось мне назло,
А мне, назло, кричалось ночью.

Чтоб ни украдкой, ни бегом
Здесь не ходить, коль звуки смолкли.
Но ей плясалось босиком,
И были музыкой осколки.

Все было – правда. Все – как есть.
Листвой засыпало стекляшки.
Перед окном другая здесь
Пускает с плеч вьюны-кудряшки.

Не страшно – стекла покрошил.
Не страшно – в щепки биты рамы.
А страшно – вырвал из души
Осколки музыки. Той самой.

2011 г.

Парикмахер

Парикмахер модный очень —
С ним вся звездная Москва.
Клюв у ножниц так заточен —
Чирк! – и спрыгнет голова.

Он закрутит, он забреет,
Он покрасит завитки.
Бабы в кресле розовеют,
Голубеют мужики.

Парикмахер – он полдела,
Вслед за ним идет портной.
Он перед мужского тела
Тонко чувствует спиной.

Он пришьет к штанинам рюшки
Да и вежливо – взашей,
Ведь он – Елдашкин, он – Вафлюшкин...
(Не без Зайцевых ушей).

Вслед за этой чудной парой
Выступает режиссер —
Он чувак закалки старой,
Он читал про трех сестер.

И про вешалку в театре,
И про маму-Колыму,
Где "дон Педро" "дона Падре"
Не уступит никому.

А в конце всего такого
Голубой экран ТиВи
Вам покажет голубого
Прямо в розовой крови.

Заикаясь и робея,
Пресса вденет в эполет...
Я один не голубею.
Потому в экране нет.

1995 г.

Пароходишко

Вот он – пароходишко бумажный,
Ходит он от берега ко дну.
В луже, там, где дом многоэтажный,
Где она пройдет, перешагнув.

Флагом всполохнет ей или дымом
И гудит-дудит во все гудки.
А она опять нарочно мимо,
Прячется в кудряшки-завитки.

Рвется, будто пес, порвав ошейник,
Голос, осмелевший от темна.
Полночь. И мы терпим с ним крушенье
В луже, где распрыгалась она.

К трапу мне! И прямо на восходе
Прочь уплыть в далекую страну!
Надо бы. Да только пароходик
Ходит вдаль от берега ко дну.

А потом, когда просохнут лужи
И наступит зной, того гляди,
Станет он сухим листком ненужным
И на первом ветре улетит.

Близко ли, далеко ли – неважно.
Где никто его не узнает...
Белый пароходишко бумажный,
Вдоль по борту с именем ее.

1998 г.

Пароходишко колесный

Пароходишко колесный —
Сто заплат на оба борта —
Катеров папаша крестный
В семь часов уйдет из порта.

И, как боцман дым табачный,
Моноotonно и привычно,
Станет воду чавкать смачно
И гудком прощаться зычно.

А портовые зеваки
Посчитают: киносьемка.
И потянут слухи-враки,
И развяжут рты-котомки.

Посмеется хором пристань,
Потолпится и позлится:
Мол, катаются артисты,
А, вот, нам не прокатиться!

А еще на шлейф из сажи
Берег вылупит бинокли,
И малец в панаме скажет,
На кулак мотая сопли:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.